

© еуропа

УДК 329
ББК 66.69(2Рос)
Б 53

Директор *Вячеслав Глазычев*
Главный редактор *Глеб Павловский*

Кирилл Бенедиктов

Б 53 «Союз Правых Сил». Краткая история партии. –
М.: Издательство «Европа», 2009. – 148 с. –
(Партийность)

В разные годы «Союз Правых Сил» претендовал на статус резервной партии власти, звание конструктивной оппозиции и передового отряда либерального рванша. История СПС – это история развития правой идеологии в постельцинской России: взлеты, падения, попытки найти свое место в формирующейся властной вертикали. Книга писателя и политолога Кирилла Бенедиктова, основанная на многочисленных интервью и анализе партийных документов, является первым в России исследованием политической деятельности СПС за весь период существования этой партии.

In the course of years the Union of Right Forces Party (SPS) aspired to obtain the status of a backup ruling party, the standing of constructive opposition and the vanguard of liberal comeback. The story of SPS is that of the evolution of the ideological right wing in post-Eltsin Russia: rises and falls, attempts to find its place in the commanding under construction. The book of the political writer Kirill Benediktov is based on numerous interview and analysis of party documents. It is the first Russian study of the political activity of SPS during the entire period of its existence.

УДК 329
ББК 66.69(2Рос)

Серия «Партийность»

Кирилл Бенедиктов

«Союз Правых Сил»

Краткая история партии

Москва
Издательство «Европа»
2009

Пролог

Избрание президентом России Дмитрия Медведева пробудило у части российской общественности надежды на новый «либеральный реванш». Между тем последнее возвращение либералов во власть состоялось девятью годами раньше – когда на парламентских выборах 1999 года избирательный блок СПС набрал 8,5 процента голосов. Реванш этот продолжался недолго – всего четыре года. На следующих парламентских выборах ни СПС, ни «Яблоку» не удалось преодолеть пятипроцентный барьер и попасть в число парламентских партий. Но дает ли это основание думать, что феномен 1999 года был случайным?

Использование спортивной или военной терминологии в данном случае способно только сбить исследователя с толку. Слово «реванш» подразумевает победу после поражения – и в этом смысле в 1999 году либералы действительно «отыгрались» за горечь потерь года предшествующего, проведя в парламент две партии, одна из которых – СПС – на протяжении первого срока Владимира Путина воспринималась как «резервная партия власти». Однако погружение

в атмосферу этого, казалось бы, не такого далекого прошлого дает неожиданный эффект – то, что воспринимается нами как «реванш», тогда выглядело лишь восстановлением нарушенного однажды (осенью 1998 года) порядка. Описываемый период был либеральной эпохой в том смысле, что и Кремль, и медиа, и множество общественных и экспертных организаций формировали *в основном* либеральный дискурс, на фоне которого правительство Евгения Примакова выглядело в высшей степени антилиберальным и антирыночным. Поэтому блестящие результаты правых на выборах 1999 года следует рассматривать как попытку либеральной среды вырастить своего рода политический инструмент для реального воздействия на власть, которая идеологически была им вполне комплиментарна.

Была ли эта попытка успешной? Если да, то почему в 2003 году либеральные партии в России вновь оказались выброшенными на периферию политической жизни? Если нет, что послужило тому причиной – учитывая тот факт, что активность либеральной среды все эти годы отнюдь не снижалась? Ответы на эти вопросы помогут понять, чего можно и чего нельзя ожидать от чаемого либералами реванша-2008.

Глава 1

РОЖДЕННЫЕ КРИЗИСОМ

Отцы и дети дефолта

В августе 1998 года либеральная идеология в России, казалось, потерпела сокрушительное поражение. Под обломками рухнувшей системы ГКО и валютного коридора фактически погибла монетаристская модель экономики, которую на протяжении семи лет пытались внедрять птенцы гнезда Егора Гайдара. Правительство Сергея Кириенко пало, не существовав и полугода. Политические элиты, управлявшие страной после 1993 года, лишились кредита доверия не только внутри России, но и за рубежом. Непрочный консенсус, объединявший финансовые и бюрократические кланы ельцинского режима, был сметен внезапно грянувшей бурей.

После того как Госдума дважды отклонила кандидатуру Виктора Черномырдина, предложенную Ельциным на пост премьер-министра, стало ясно, что возврат к прежней стабильности, основанной на сложной системе договоров между группировками и центрами влияния, уже невозможен. Ни один из ключевых игроков прошлых лет, включая самого президента, не обладал достаточными рычагами для

управления ситуацией. В этих условиях либералы были вынуждены отступить на второй план и передать полномочия команде кризисных управленцев, которую возглавил государственный и «силовик» Евгений Примаков. Начался недолгий (восемь месяцев), но очень яркий период новейшей истории России, когда либералы были фактически отстранены от управления страной. Действия антикризисной команды Примакова оказались весьма эффективными: ей удалось не только удержать Россию на краю социальной катастрофы, но и стабилизировать экономическую ситуацию в стране. Стали выплачиваться пенсии и зарплаты, резко снизилась инфляция (с 38 до 3 процентов в месяц). Рост промышленного производства с октября 1998 по март 1999 года составил 24 процента. К тому же правительство Примакова позиционировало себя как правительство социального партнерства, что было позитивно воспринято широкими деловыми (финансовыми и промышленными) кругами.

Либералы восприняли эти успехи государственников болезненно: так, в публикациях ГУ-ВШЭ действия правительства Примакова характеризовались как «отход от реформ и сползание к номенклатурно-бюрократическому капитализму». Близкий соратник Анатолия Чубайса Альфред Кох без обиняков называл «примаковщину» коммунистическим рваншем.

В этих условиях были сделаны первые шаги по формированию новой либеральной коалиции, которая могла бы противостоять левым. Первая попытка создать такую коалицию (на основе партии «Демо-

кратический выбор России», «ДемРоссии», РПСД и ряда либерально ориентированных губернаторов) была предпринята в ноябре 1998 года.

i Любопытно заявление, с которым выступили 14 политиков, вошедших в состав этой коалиции: «В ответ на наглое вмешательство бандитов в политическую жизнь, в ответ на попытки повернуть страну вспять – к диктату и распределению, отвечая на звучащие по всей стране требования объединения демократических сил, мы, нижеподписавшиеся, начинаем работу по созданию нового общественно-политического объединения правоцентристской ориентации».

Это заявление дает определенное представление о том, как либералы воспринимали ситуацию осенью 1998-го. Она мыслилась первым этапом общенациональной катастрофы – не столько экономической, сколько политической. Тема реставрации коммунизма вновь, после выборов 1996-го, вышла на первый план. Остро стоял вопрос о способности власти сконцентрировать ресурсы для борьбы с левой оппозицией. В условиях жестокого кризиса либерализма президент и его окружение оказались в непривычной пустоте – не только аппаратной (правительство было в основном левым), но, что немаловажно, идеологической.

Союз либеральной общественности и ряда обеспокоенных усилением государства олигархов привел к падению кабинета Примакова в мае 1999 года. На пост премьер-министра был назначен Сергей Степашин – человек, воспринимавшийся либералами как «свой», несмотря на принадлежность к силовикам.

Лето 1999 года стало летом надежд для либеральной общественности. Предполагали, что Степашин,

назначение которого на пост премьера лоббировал Анатолий Чубайс, станет долгожданным преемником стареющего и находившегося не в лучшей форме Бориса Ельцина. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. В августе 1999-го, через год после памятного дефолта, Степашин был смещен со своего поста. Неофициально считалось, что он «не выдержал экзамена», то есть не продемонстрировал должной твердости. Премьером стал глава ФСБ Владимир Путин – именно его Ельцин и объявил своим официальным «наследником».

i Соперником Степашина выступал глава МПС Николай Аксененко, за которым стояли влиятельные члены ельцинской Семьи. В июле – августе 1999 года кандидатура Аксененко всерьез рассматривалась Семьей в качестве следующего президента России. Однако Чубайсу удалось убедить президента не посылать представление в Думу на Аксененко.

Часть либералов восприняла назначение Путина как катастрофу и поспешила выступить против нового премьера. Стал очевидным системный разлом между двумя лагерями либерального фронта: очень условно их можно определить как «правый лагерь» и «лагерь демократической оппозиции». Правый лагерь был гораздо лояльнее действующей власти во многом благодаря тому, что его лидеры были в той или иной степени включены в механизм реального принятия решений в стране. В первую очередь это касается Анатолия Чубайса, бывшего премьера Сергея Кириенко, а также несостоявшегося «наследника» Ельцина Бориса Немцова. В период 1999–2000 годов правый лагерь пользовался идеологической и финансовой поддержж-

кой некоторых олигархов, в том числе Олега Дерипаски. В то же время лагерь демократической оппозиции, лидером которого был Григорий Явлинский, находился в сфере влияния финансовых структур, связанных с Владимиром Гусинским.

«Демократическая оппозиция» в лице «Яблока» сделала ставку на популярного экс-премьера Сергея Степашина, который, однако, из-за личных амбиций Явлинского занял лишь второе место в партийном списке. Целый ряд ошибок, допущенных в период предвыборной кампании, привел к тому, что «Яблоко» получило лишь 5,93 процента голосов избирателей, уступив не только фаворитам гонки КПРФ и «Единству», но и ОВР, СПС и ЛДПР. В то же время правые, сумевшие сформировать коалицию на собственной политической площадке, добились куда более впечатляющих результатов – 8,52 процента голосов избирателей, 33 мандата в Госдуме¹. Конечно, на фоне КПРФ и «Единства» (24,3 и 23,3 процента) эти результаты не выглядят фантастическими, но в то время они воспринимались как политическая сенсация. Главным результатом выборов стал неожиданный для многих реванш правых, не только поднявшихся после сокрушительного удара в августе 1998 года, но и вернувших себе симпатии значительной части российского электората.

Парадоксальным образом значительную роль в возрождении либерализма сыграл все тот же дефолт 1998 года. Подъем промышленности весной 1999-го

¹ 24 мандата по пропорциональной системе, пять депутатов-одномандатников, три независимых депутата, присоединившихся к правым, и депутат, избранный от Российской партии пенсионеров.

на фоне предшествовавшего ему ожидания катастрофы выглядел едва ли не чудом. Объективно дефолт действительно привел к ослаблению «импортной

i Тут надо отметить, что выборы 1999 года стали своеобразным «парадом сюрпризов» – здесь и неожиданный для многих взлет «Единства», слепленного буквально «на коленке» за несколько месяцев до выборов, и провал «Яблока», которому прочили не менее 10 процентов, и падение ОВР, считавшегося летом 1999 года безусловным фаворитом. Впрочем, это были последние «непредсказуемые» выборы в новейшей истории России.

удавки», не дававшей развиваться отечественной промышленности. В этом смысле политики, ответственные за август 1998-го, имели определенное право претендовать на лавры «спасителей России». «Также очевидно каждому здравому человеку, что дефолт 1998 года стал чуть ли не главным двигателем развития нашей экономики», – заявил Анатолий Чубайс на съезде СПС спустя четыре года после дефолта. Другое дело, что осенью 1999-го уже никто не помнил о том, что год назад либералы предлагали совсем иной выход из создавшейся ситуации – применить в России аргентинский опыт, то есть использовать механизм *currency board* для жесткого ограничения инфляции (о том, что могло бы произойти в этом случае, дают представление события, потрясшие Аргентину в декабре 2001 года)¹. В то же время СМИ, входившие в медиахолдинги противников Евгения Примакова (прежде всего, конечно, Бориса Березовского), старались внедрить в общественное

¹ Такого рода предложения высказывал, например, Борис Федоров.

мнение представление о том, что деятельность премьера-государственника объективно вредна для страны. Поэтому к осени 1999 года по крайней мере часть электората связывала промышленный подъем России не с антикризисными мерами кабинета Примакова, а с личностью Сергея Кириенко, при котором, собственно, дефолт и произошел. Таким образом, Кириенко приобрел статус естественного кандидата правых: некоторое время конкуренцию ему мог составить тоже достаточно популярный Сергей Степашин, однако последний предпочел сделать ставку на «демократическую оппозицию».

i По мнению политолога Алексея Макаркина, «Степашин не воспринимался в обществе как либеральная фигура. Он воспринимался как человек Ельцина. На Кириенко не возлагали персональной ответственности за случившееся. Скорее, ответственность возлагали на Черномырдина, а также других администраторов, долго бывших в правительстве».

В ноябре 1998 года сторонники Кириенко создали инициативную группу новой политической организации, получившей название «Новая сила». На первом этапе «Новая сила» использовала поддержку региональных организаций Республиканской партии РФ, а также Партии российского единства и согласия, ставила своей главной целью «сохранение в России демократического режима управления и рыночной экономики». *«Речь идет об объединении... не лидеров, а людей, которые будут голосовать на выборах... тех 30–40 процентов, которые еще не трансформировали свою экономическую самостоятельность в самостоятельность политическую»,* – за-

явил Кириенко на пресс-конференции в декабре 1998 года.

Первоначально предполагалось, что «Новая сила» готова вести переговоры и объединяться со всеми, кто «придерживается таких же взглядов», в том числе с правоцентристской коалицией Гайдара и Чубайса, Немцовым, «Яблоком» и даже движением Юрия Лужкова. При этом сам Кириенко позиционировал свое движение как «консервативное», вкладывая в это понятие несколько иное значение, чем это обычно принято делать. «Консерватизм» «Новой силы» предусматривал наличие неких правил как для власти, так и для бизнеса, которые должны были выполняться всеми.

i В коалицию «Правое дело» вошли партия «Демократический выбор России» Егора Гайдара, движение «Россия молодая» Бориса Немцова, «Общее дело» Ирины Хакамады, движение «Вперед, Россия!» Бориса Федорова, партия «Демократическая Россия» Юлия Рыбакова, движение «Демократическая Россия» Льва Пономарева, Крестьянская партия России Юрия Черниченко, Российская партия социальной демократии Александра Яковлева, Партия экономической свободы Константина Борового, «Свободные демократы России» Марины Салье, часть Республиканской партии Российской Федерации и другие, более мелкие организации.

С января 1999 года возникает коалиция правых, получившая официальное наименование «Правое дело». На пресс-конференции, посвященной рождению «Правого дела», Борис Немцов подчеркнул, что среди основателей коалиции *«очень много узнаваемых людей, в отличие от всех других партий – начиная от коммунистической и заканчивая “Яблоком”, где есть всего один лидер».*

Довольно скоро Кириенко дистанцировался от лидеров правоцентристской коалиции, выступив с идеей создания более широкого некоммунистического блока с участием губернаторов (чтобы создать противовес пресловутому «красному поясу») и, в идеале, «Яблока». Хотя «Правое дело» неоднократно пыталось привлечь Кириенко в свои ряды, до лета 1999 года тот присутствовал на мероприятиях коалиции только как гость. В мае 1999 года «Новая сила» и губернаторский блок «Голос России» Константина Титова¹ заявили о начале работы по созданию широкой «правоцентристской коалиции». Речь явно шла о том, кто будет играть первую скрипку в складывающемся ансамбле либералов – в том же, что такой ансамбль будет создан, по-видимому, не было никаких сомнений.

К концу июля 1999 года Кириенко и «Новой силе», рассматривавшейся как прообраз «правой партии власти», удалось занять лидирующие позиции в либеральном лагере. 23 июля 1999 года состоялась встреча Кириенко, Чубайса и Титова, на которой была достигнута договоренность о создании единого блока. Официального «дележа портфелей» не произошло, но лидерство Кириенко уже никем не оспаривалось.

29 августа 1999 года на совместном съезде был учрежден Союз Правых Сил (СПС), в который вошли большая часть партий «Правое дело», «Новая сила», часть «Голоса России». Правым удалось собрать на одной площадке немало знаковых фигур либерально-

¹ Константин Титов изначально входил в НДР, но после конфликта с Виктором Черномырдиным покинул ряды «партии власти» и основал собственную организацию «Голос России».

го лагеря. В то же время первоначальный план, предполагавший союз между двумя организациями, имевшими наиболее разветвленные региональные сети, – ДВР и НДР, реализовать не удалось. Единственной крупной фигурой, перешедшей в праволиберальную коалицию из НДР, стал губернатор Самарской области Константин Титов; губернатор Саратовской области Дмитрий Аяцков, первоначально подписавший «заявление четырнадцати», в тот же день публично опроверг свое участие в коалиции.

Переговоры, которые летом и осенью 1999 года НДР вел о вхождении в состав праволиберальной коалиции, закончились ничем. Не удалось согласовать состав «первой тройки», которую коалиция собиралась выставить на парламентских выборах в декабре: НДР поддерживал кандидатуру Сергея Степашина в качестве лидера списка и настаивал на включении в первую тройку своего представителя (Владимира Рыжкова). С точки зрения «Правого дела», списки должен был возглавить Кириенко, а Рыжкову вообще не находилось места в первой тройке¹. Но гораздо важнее было то, что НДР принципиально выступал против присутствия в коалиции партии «Демвыбор России» и лично Егора Гайдара.

Достаточно скоро стало ясно, что противоречия между НДР и «Правым делом» носят непреодолимый характер. К тому же между покровителями НДР и «Правого дела» – Виктором Черномырдиным и

¹ Участие Рыжкова в коалиции активно сопротивлялся Гайдар, который не мог простить ему критику идеологии и практики радикального либерализма.

Анатолием Чубайсом – существовали довольно напряженные отношения. В конце концов идея союза между двумя лагерями правого фланга российской политики была окончательно предана забвению; единственным результатом переговоров можно считать уход из «Правого дела» «либеральных консерваторов» Бориса Федорова из движения «Вперед, Россия!», присоединившихся к НДР. Это событие рассматривалось в то время как раскол правой коалиции. К тому же из «клуба губернаторов», каким был до осени 1999 года «Голос России», вышли почти все губернаторы и большинство карликовых партий.

i Движение «Вперед, Россия!» вошло в историю главным образом следующим перлом из предвыборной программы 1995 года: «Нам говорят: Россия на краю пропасти, ничего нельзя сделать, все пропало. Мы решительно отвечаем: Если вы не можете – уйдите, не мешайте. Хватит топтаться на месте. **ВПЕРЕД, РОССИЯ!**»

Сложившаяся к выборам 1999 года правая коалиция состояла из трех основных игроков и шестнадцати участников поменьше. К главным игрокам относились ДВР, движение «Новая сила» Сергея Кириенко, а также «Голос России» Константина Титова (формально в виде организации «Юристы за права и достойную жизнь человека» Гасана Мирзоева). Вместе они образовали избирательный блок Союз Правых Сил, учрежденный на совместной конференции в «Президент-отеле» 29 августа 1999 года¹.

¹ В число непосредственных учредителей входило также движение «Россия молодая» Бориса Немцова.

Кроме того, в избирательный блок СПС на неформальной основе вошли почти все движения, составившие коалицию «Правое дело»: «Общее дело» Ирины Хакамады, ПДР Юлия Рыбакова, движение ДР Льва Пономарева, КПР Юрия Черниченко, РПСД Александра Яковлева, ПЭС Константина Борового, СДР Марины Салье, организация «Российские налогоплательщики» (РН) Владимира Головлева, Либерально-консервативный союз (ЛКС) Алексея Кара-Мурзы, Социально-федералистская партия России (СФПР) Сергея Шилова – Льва Шемаева, Движение нового поколения (ДНП) Николая Брусникина, Союз «Молодые республиканцы» (МР) Валерии Гулимовой, часть РПРФ (Константин Точенов), часть Союза «Живое кольцо» (Виктор Маслюков), а также Великое Сибирское казачье войско (ВСКВ) атамана Валерия Дорохова.

На конференции был принят «Правый манифест» СПС, а также одобрен общефедеральный список кандидатов в депутаты. В первую тройку списка вошли Сергей Кириенко, Борис Немцов, Ирина Хакамада, московскую региональную часть списка возглавил Егор Гайдар. Председателем политсовета блока был избран Константин Титов, руководителем избирательного штаба – Анатолий Чубайс.

Правым удалось почти невозможное: после сокрушительного удара в августе 1998-го они не только возродились как феникс из пепла, но и сумели в значительной степени преодолеть внутренние противоречия и личные амбиции своих лидеров, которые вполне могли похоронить либеральное движе-

ние в несколько последовавших за дефолтом месяцев. Кроме того, правые перебили мощную и пользовавшуюся поддержкой значительной части населения страны «левую карту». Главную роль в этом процессе, как и в консолидации правого лагеря летом – осенью 1999 года, сыграло существование в России влиятельного либерального сообщества, объединявшего политиков, экспертов, журналистов, общественных деятелей и т. д. Это сообщество фактически формировало повестку дня даже в постдефолтной России; для этого сообщества правительство Примакова (на тот момент самого популярного человека в стране) было несомненным идеологическим врагом, и это противостояние во многом определяло стратегию либеральных политиков, сумевших преодолеть внутренние разногласия и сплотиться перед лицом общего противника.

Момент истины: СПС на парламентских выборах 1999 года

Избирательный блок СПС был зарегистрирован ЦИК в сентябре 1999 года. С самого начала он пользовался определенным покровительством Кремля, что дало основание говорить об СПС как о «резервной партии власти». Возможно, какое-то время федеральный центр действительно рассматривал правых как свою основную идеологическую опору: в состав координационного совета блока СПС входили по крайней мере четыре человека, рассматривавшихся

Кремлем как «свои» – Сергей Кириенко, Борис Немцов, Анатолий Чубайс и Егор Гайдар¹.

Однако к этому моменту политическая ситуация в стране успела измениться. С лета 1999 года левые перестали восприниматься в качестве «основного противника» – на эту роль претендовал теперь мощный блок региональных губернаторов, предпринимателей и московской бюрократии во главе с Юрием Лужковым, политически оформившийся в движение «Отечество – Вся Россия». Против этого нового врага следовало выпускать совсем иных бойцов. Правые, которых сплотила угроза «красного реванша», были не слишком эффективны в борьбе с центристским ОВР. Тем не менее лидер правых Сергей Кириенко принял участие в кампании, направленной против ОВР, выдвинув свою кандидатуру на выборах мэра Москвы (проходили одновременно с парламентскими в декабре 1999 года).

Большинство наблюдателей рассматривали «войну» Кириенко с Лужковым как «нетривиальный рекламный ход» со стороны экс-премьера: реальных шансов одержать победу у него, конечно, не было. Согласие Сергея Кириенко принять участие в борьбе за кресло мэра Москвы спровоцировало конфликт внутри коалиции «Правое дело». По информации некоторых СМИ, дело едва не дошло до открытого столкновения экс-премьера с лидерами «Правого дела» из числа «старых либералов», которые намеревались выдвигать на московские выборы кандидатуру

¹ Кроме них в КС входили также Ирина Хакамада, Константин Титов и Виктор Некрутенко (ответственный секретарь блока).

Егора Гайдара. Однако аргументы Кириенко оказались более весомыми, и «старые либералы» были вынуждены отступить.

i Соцопросы показывали, что у Кириенко есть хорошие шансы занять кресло московского градоначальника только в том случае, если в выборах не будет участвовать сам Лужков. Однако в декабре 1999 года Сергей Кириенко в паре с Вячеславом Глазычевым занял второе место, получив 12 процентов голосов избирателей. Юрий Лужков получил 69,9 процента голосов.

В действительности выборы московского мэра были в значительной степени «обкаткой» Кириенко как политика новой формации. Кампания Кириенко, проводившаяся в условиях беспрецедентного давления со стороны московских властей, была разработана и осуществлена при деятельном участии Фонда эффективной политики Глеба Павловского. Одной из стратегических задач ФЭПа было, по выражению самого Павловского, «заставить Лужкова нервничать». Эта задача была решена блестяще: мэр действительно сорвался, сделал целый ряд непродуманных шагов, чем ослабил позиции ОВР перед декабрьскими выборами. Одновременно, разумеется, решались и чисто пиаровские задачи: так, на волне запущенных московской мэрией слухов скандального характера о Кириенко предвыборный штаб лидера правых издал книгу «(X) Секретные материалы», в которой всевозможные сплетни были изложены в хронологическом порядке, а затем аргументированно опровергнуты. Написанная живо и остроумно, эта книга, разумеется, способствовала росту популярности Кириенко.

В декабре 1999 года СПС выдвинул лозунг «**Путин – в президенты, Кириенко – в Государственную Думу. Молодых надо!**». Это был прямой меседж обществу: правые – такая же партия власти, как и спешно слепленное «из того, что было» «Единство», но опирающаяся в основном на молодых и продвинутых. Поддержка Путина правыми не стала чем-то неожиданным: еще в августе 1999 года депутаты Госдумы, входившие в блок «Правое дело», почти единогласно голосовали за утверждение Владимира Путина премьер-министром¹.

i Интересно, что в рамках кампании Кириенко был, в частности, выдвинут лозунг «Правая политика – левая культура». Имеющий в основном эстетическое, а не политическое значение, лозунг этот подтверждает версию о том, что Кремлем (коль скоро кампания Кириенко осуществлялась при его поддержке) левые воспринимались «меньшим злом», чем бюрократическая фронда Лужкова.

Второй меседж, посланный правыми обществу, исходил от Анатолия Чубайса, справедливо считавшегося теневым лидером праволиберальной коалиции. В полемике с Григорием Явлинским Чубайс заявил, что «*Российская армия возрождается в Чечне*». Сигнал этот едва не вызвал раскол в стане самих либералов. Для «старых демократов» заявление Чубайса выглядело предательством либеральных ценностей. Впоследствии это не раз ставилось в вину СПС: правые либералы, мол, поддержали «несправедливую» войну в Чечне. В действительности это была

¹ За исключением Сергея Ковалева.

личная точка зрения Чубайса, не отражавшая платформу СПС в целом – хотя бы потому, что единой позиции в отношении чеченской войны у правых не было. По словам Бориса Надеждина, осенью 1999 года входившего в политсовет движения «Новая сила», а впоследствии вошедшего в политсовет Союза Правых Сил, *«в партии (СПС) тогда был крупный скандал, который постарались замять. Но если что-то говорит Чубайс, то это запоминается навсегда»*.

Заявление Чубайса, поддержанное Кириенко и Немцовым, было болезненно воспринято «старыми демократами», такими как Юшенков, Ковалев и другие. Последний, например, будучи членом политсовета ДВР и участником избирательного блока СПС, публично призвал избирателей голосовать за «Яблоко». После этого главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев написал, что пока СПС не очистит свои ряды от таких «одиозных личностей», как Ковалев, шансов стать «нормальной партией» у него нет. Однако лидеры СПС решили «не трогать» известного правозащитника, чей авторитет, по их мнению, примирял часть столичной интеллигенции с необходимостью голосовать за Кириенко.

«Старые демократы» не принимали модель либерально-патриотического синтеза, которую пытались навязать коалиции Кириенко и Чубайс. Для них было важно сохранить либеральную идентичность, не связывая себя с национальным, патриотическим компонентом. В то же время они понимали, что в реалиях 1999 года такая платформа не будет пользоваться массовой поддержкой избирателей. Для «ста-

рых демократов» союз с «новыми либералами» был вынужденной мерой, «меньшим злом».

Пестрота избирательного блока СПС обусловила отсутствие сколько-нибудь цельной идеологии и как следствие – внятной предвыборной платформы. По мнению члена Общественной палаты РФ Вячеслава Глазычева, баллотировавшегося на выборах мэра Москвы в паре с Кириенко на должность вице-мэра, единой позиции у таких людей, как Немцов, Ковалев, Чубайс, Гайдар, Кириенко, просто не могло быть. *«Никогда между ними не было настоящего согласия ни по одному вопросу, – вспоминает Глазычев. – Да и партии не было как таковой... Партийные структуры не успели сложиться».*

Глазычев считает также, что у правых в тот момент не было и разработанной экономической программы. *«Экономической программы правых не было. Был только весьма определенный вектор – рыночный, капиталистический, в принципе с надеждой опоры на новые двигатели рыночного хозяйства. В некотором смысле это совпадало с настроениями власти».*

Это верно лишь отчасти. Таинственная «толстая папка в кожаном переплете», в которой якобы находилась «программа СПС», была вручена тогдашнему премьеру РФ Путину экс-премьером Кириенко за несколько дней до выборов. Сцена торжественного вручения Путину документов СПС была включена в рекламный ролик избирательного блока.

«В 1999 году Путин поддержал “Единство”, но при этом встретился с Кириенко, получил от него толстую папку, на которой было написано “программа”. Естественно, эту папку никто не читал,

в том числе и Путин, но тем не менее он поблагодарил за нее, сказал, молодцы, что думаете о стране, тем самым дав им немного своего рейтинга», – считает директор Международного института политической экспертизы Евгений Минченко, в те времена – эксперт Комитета Государственной Думы по безопасности. Однако, по информации людей, все-таки заглядывавших в папку, там находились ксерокопии разрозненных документов, имеющих отношение к экономике. Сама же экономическая программа СПС существовала в лучшем случае в виде деклараций о намерениях.

i «Российская газета» уже после назначения Сергея Кириенко полпредом в Приволжском федеральном округе (что произошло 18 мая 2000 года) сообщала, что «в одном из спортивных зданий города Кстово, где занимаются самбисты, проходят совершенно не афишируемые заседания специалистов из Москвы, в том числе из команды Грефа. Ни журналисты, ни политики, ни кто-либо посторонний, кроме окружения Кириенко, туда не допускаются. Никаких интервью, никакой утечки информации оттуда не происходит... Сергей Кириенко разработчикам своей программы дал всего один-два месяца». Впоследствии стало известно, что в здании Всемирной академии самбо проходил семинар Приволжского филиала Центра стратегических разработок Германа Грефа.

Это, однако, не имело большого значения для режиссеров политического спектакля 1999 года. Символический шаг передачи «программы СПС» Путину не только прибавил популярности СПС, но и существенно усилил позиции Кириенко внутри избирательного блока. Однако главный меседж этого акта расшифровывался так: Кремль и либералы играют

в одну игру, это близкие союзники, идеологически родственные силы.

Сейчас политологи склонны говорить о системе договоренностей, существовавших между СПС и Кремлем, в рамках которой и была осуществлена «передача программы». *«Либералы становились полупроходными, – говорит политолог Алексей Макаркин, в тот период – сотрудник газеты «Сегодня», описывая ситуацию лета – осени 1999 года. – Но чтобы стать проходными, нужно было попасть на телевидение, на первый и второй каналы, которые оставались в руках Кремля. Кроме этого, СПС нужна была поддержка премьер-министра Путина, который осенью 1999-го был самым рейтинговым политиком. И Путин поддержал экономическую программу СПС».*

Такая трактовка подразумевает, что осенью 1999 года правые были самостоятельным центром силы, который вел свою собственную игру и мог «договариваться» или «не договариваться» с Кремлем по каким-то ключевым вопросам. С точки зрения людей, принимавших непосредственное участие в создании СПС, это было отнюдь не так. Правые входили в тот же политический мейнстрим, что и созданное Кремлем «Единство» – некоторые даже рассматривали их как часть одного кремлевского проекта. Правда, преобладала точка зрения, согласно которой СПС был своего рода «страховочным» проектом на тот случай, если «Медведь» не выполнит возложенных на него задач.

«В обществе всегда есть запрос. Запросом 1999 года оказался Путин, а рядом с ним оказался Кириенко, – говорит Борис Надеждин, который в 1999 году был

членом политсовета движения «Новая сила». – Если вы доверяли Путину, то, значит, вы должны были голосовать или за СПС, или за “Единство”. И “Отечество”, и КПрФ, и ЛДПР абсолютно точно воевали на этих выборах с “Единством”. Поэтому “Единство” и получило 30 процентов. А те, кто надеялся на Путина, но у кого бюрократия вызывала изжогу, проголосовали за СПС. И в дальнейшем мы всегда обнаруживали, что избиратель СПС голосует за Путина. В отличие от избирателя “Яблока”, при всем ощущении, что это близкие люди».

Одним из основных отличий правых от главного кремлевского проекта – «Единства» – было широкое подключение к политической игре неаппаратных сил. К услугам правых была вся влиятельная российская либеральная среда, формировавшаяся по меньшей мере с конца 80-х годов. Именно поэтому правые могли позволить себе не иметь разработанной экономической программы – ее с успехом заменяла сама либеральная среда, поведение которой определялось ожиданием «перемен к лучшему». Повестка дня, в сущности, заменяла собой программу (впоследствии правые приняли непосредственное участие в подготовке программы Германа Грефа). В этом смысле вручение Путину «толстой кожаной папки» было «сакральным» актом, который расшифровывался так: либералы признали Путина своим, а он, в свою очередь, дал понять, что не встанет в оппозицию к либеральной среде.

«Новые либералы» ставили перед собой задачу создать партию, которая была бы одновременно либеральной идеологически и комплиментарной

действующей власти. Этим они довольно существенно отличались от догматичных «старых демократов». Они представляли собой иной социальный тип, отличный от традиционных либералов. Это были бизнесмены и менеджеры, которые, как правило, ранее не принимали активного участия в демократическом движении и в политике в целом (по возрасту или в силу занятий бизнесом). Иногда в выступлениях их лидеров проскальзывало недвусмысленное желание отмежеваться от дискредитировавших либеральную идею представителей «старой демократии», которую в народе все чаще уничижительно именовали «демшизой». Однако в этом случае они рисковали потерять либеральную идентичность, а это автоматически превращало их из самостоятельных игроков в субъектов кремлевской политики.

Заветной мечтой новых либералов – во всяком случае в этот период времени – было возглавить властный проект. Понимая, что кандидатуру нового президента в любом случае назовет Ельцин (и влияющая на него Семья), либералы не без оснований рассчитывали, что новый президент по меньшей мере не будет находиться в оппозиции к либеральной среде. Поэтому предполагалось, что СПС станет не резервным, а «интеллектуальным» вариантом партии власти, а его лидеры получат реальную возможность влиять на внутреннюю политику России. Эта нацеленность формировала новый имидж либеральной партии – вместо рыхлого объединения демократов и правозащитников (образцом которого отчасти может служить ДВР) создавалась партия нового типа,

которая в отличие от предыдущих либеральных проектов рассматривалась как либерально-государственная, либерально-патриотическая и, возможно, даже силовая. Во всяком случае, именно так видел свою «Новую силу» Кириенко и его союзники в Кремле (говорят, что одному из таких союзников, спичрайтеру президента Джохан Поллыевой, принадлежит высказывание «Либерал – это сильный человек»).

Путин как секретное оружие СПС

Ключевым в предвыборной кампании СПС стал лозунг «Путина – в президенты, Кириенко – в Думу!». Можно смело утверждать, что этот слоган сыграл роль победного штандарта, под которым правые торжествующе вступили в парламент.

Анатолий Чубайс после выборов признавался: «Правые решили задачу с результатом, на который сами не рассчитывали». Мало у кого тогда возникали сомнения, что этот результат мог бы быть достигнут без связки СПС – Путин. Однако либералы отнюдь не были едины в вопросе о том, как следует относиться к молодому премьеру – более того, вопрос о поддержке власти стал своего рода лакмусовой бумажкой для электората, настроения которого существенно изменились по сравнению с 1995 годом. Наблюдатели отмечали, что основные потери «Яблока» и приобретения СПС пришлось не на период полемики по чеченской проблеме, а на последние две недели перед голосованием, когда

СПС начал активно поддерживать Путина, а «Яблоко» продолжало обходить этот сюжет стороной. Когда Явлинский наконец затронул эту тему, подтвердив свое безусловное участие в президентских выборах (это означало прежде всего, что «Яблоко» разрабатывает альтернативный политический проект, в котором Путину-президенту места нет), социологические опросы впервые зафиксировали преимущество СПС над «Яблоком», которое продолжало расти вплоть до самих выборов.

Впоследствии «Яблоко» не раз критиковало СПС за их поддержку Путина, обвиняя правых в конформизме и готовности «поступиться принципами» ради сиюминутных политических выгод. Левые либералы укоряли правых за то, что они «защищают» Путина, оправдывают его антидемократические шаги и, в частности, прикрываются именем Анатолия Собчака – «учителя» президента. Вот что писал «яблочный» публицист Борис Вишневский: *«Каждый раз, когда второго российского президента надо представить не бывшим офицером КГБ, а приверженцем демократии и свободы, образованным юристом и цивилизованным государственным деятелем, используется образ “ученик Собчака”. Это традиционный аргумент не только для Запада, но и для российской интеллигенции, немалая часть которой продолжает считать Собчака своим кумиром.*

Президент говорит, что уничтожение НТВ – это спор хозяйствующих субъектов, а Ходорковский сидит за решеткой не потому, что возражал власти, а за недоплаченные налоги. Но он же ученик выдающе-

гося юриста Собчака. Значит, все описанное происходит по закону»¹.

Выбор фигуры Собчака в качестве объекта критики, конечно же, не случаен. Для правых бывший питерский мэр был своего рода связующим звеном между либерально настроенной интеллигенцией и бывшим полковником КГБ, поддержка которого, безусловно, должна была восприниматься этой интеллигенцией как своего рода нравственный вызов.

Сам Собчак, незадолго до выборов 1999 года вернувшийся из парижской эмиграции, отмечал «единство своей идеологической платформы с принципами СПС», хотя и исключал возможность своего вхождения во фракцию СПС в парламенте. По словам Собчака, «без фракции СПС новая Государственная Дума будет неполноценной и вновь обреченной на бездействие»².

Идеологическая близость Собчака к СПС во многом определила то позитивное отношение, которое правые перенесли с бывшего председателя Ленсовета на его бывшего советника. Важную роль сыграли и факт назначения Собчака доверенным лицом кандидата в президенты Путина, и его неожиданная смерть в преддверии президентских выборов, и присутствие и. о. президента на похоронах своего учителя и наставника. Однако только эмоциями дело не ограничивалось. В своей политической практике Путин последовательно воплощал в жизнь многие предложения Собчака. Так, например, реформа ад-

¹ *Вишневский Б.* Мэр для президента. «Московские новости», 29 октября 2004 года.

² Интерфакс, 9 декабря 1999 года.

министративно-территориального деления России, предпринятая Путиным сразу же после избрания его президентом страны (в мае 2000 года), целиком отвечает мыслям Собчака, изложенным в его книге «Жила-была коммунистическая партия» (1995 год).

i Анатолий Собчак. «Жила-была коммунистическая партия»:

«Если мы хотим иметь в будущем более целесообразное административно-территориальное деление России, чем сегодняшнее, которое мы получили в наследство от коммунистической системы и которое во многом носит искусственный характер, то начинать эту работу лучше всего с укрупнения федеральных структур. Вполне целесообразно иметь одного представителя Президента на весь Северо-Запад, или Уральский, или Волго-Вятский экономический район. У представителя Президента, курирующего целый крупный регион страны, будет совершенно иной кругозор и масштаб деятельности, чем сейчас. Он не станет тратить силы на борьбу с региональным начальством, как сплошь и рядом происходит при нынешнем положении дел, у него будет возможность сравнивать, как идут дела в разных субъектах Федерации, и он может стать не просто присматривающим, надзирающим “государевым оком”, не просто контролирующим органом, а проводником новых идей, передового опыта, то есть вносить существенный вклад в развитие федерализма и в укрепление региональных структур власти. Немаловажно и то, что при этом произойдет укрепление вертикальной структуры исполнительной власти, а Президент и его администрация могли бы получать более достоверную информацию о происходящем в регионах. Точно так же можно поступить и с любой из тридцати трех федеральных структур, созданных сегодня в каждом из регионов. Именно с этого, по моему мнению, и нужно начинать процесс укрупнения субъектов Федерации и укрепления государственного единства России – с реформирования и укрупнения федеральных структур власти в регионах страны».

Правые сделали верную ставку. Популярность Путина принесла им голоса той части электората, которая действительно «ждала перемен», персонифицировала эти ожидания в лице молодого премьера и не сочувствовала критикующей власть левым либералам. Но еще важнее было то, что Путин оказался идеальным кандидатом СПС. По мнению литературоведа и публициста Сергея Переслегина, Путин – *«пример яркого и последовательного правого политика. То есть политика, который последовательно, умно и осмысленно проводит в жизнь правые идеи. Путин фактически выполнял задачу правых на усиление российской государственности, российской экономики и на открытие этой экономике рынков за рубежом. Но выполнял эти задачи не на их условиях. И делал это честно все восемь лет своего правления».*

С Переслегиным согласен политолог Станислав Белковский, который, однако, считает, что верхушка СПС сознательно подчеркивала идеологические расхождения между Путиным и правыми, *«поскольку им это позволяло удерживать альтернативный центр консолидации либералов».*

«Невозможно было бы, – говорит Белковский, – чтобы все реальные единомышленники СПС понимали, что Путин – это кандидат СПС, что для Путина идеальной позицией была бы позиция лидера СПС, что Путин абсолютный единомышленник Кудрина и Грефа (не случайно эти люди принимали существенное участие в определении путинской политики восемь лет)».

Действительно, при всей схожести программных установок СПС и той политики, которую проводил

Путин в период своего первого президентского срока, правые не могли позиционировать себя как президентскую партию, а Путина – как «кандидата СПС». Прежде всего потому, что это место уже было занято кремлевским политтехнологическим проектом «Единство».

Время молодых

Выборы 1999 года показали, что в общественном сознании господствует запрос на молодых и энергичных политиков.

Помимо поддержки молодого и энергичного Путина, СПС сумел выдвинуть на передний край таких лидеров, как Кириенко и Немцов – и это тут же принесло свои плоды. Одной из основных политических технологий правых стала ставка на молодежь и отождествление себя с будущим. Политолог Алексей Зудин, в рассматриваемый период – эксперт Московского центра Карнеги, указывает также на фактор «моральной регенерации» либерального избирателя, решающую роль в которой сыграла агитационная кампания «Ты прав!».

Кампания «Ты прав!» имела своей главной целью «исправление смыслов». Ставшие двусмысленными понятия «демократы» и «либералы» было предложено заменить куда более респектабельным термином «правые». Именно молодежная среда, по замыслу политтехнологов СПС, должна была стать главной опорой правых. Тесное отождествление себя с молодежью, а через нее – с будущим позволило правым

позиционироваться в общественном мнении как «партии нового поколения»¹. Лозунг «Молодые, энергичные, грамотные – во власть!» также был нацелен на привлечение широких масс молодежи.

i В январе 1999 года Кириенко говорил о необходимости разработки нового политического языка: «Прошедшие годы привели к тому, что дискредитирован политический язык, мы по-разному понимаем одни и те же слова... Сегодня слово “реформа” носит негативный смысл. Слова “либеральный” или “демократический” – тоже».

На выборах 1999 года СПС в целом лидировал по категории «избиратели наиболее активных возрастов», по удельному весу самой молодой категории избирателей (до 25 лет) более чем в два раза опережая «Яблоко» и в два с половиной раза – ОВР и «Единство»².

Повысило популярность правых среди молодежи и активное использование Интернета. В ходе парламентских выборов 1999 года либералы впервые в России использовали Интернет в качестве инструмента политических технологий. СПС продвигал в СМИ своих лидеров как самых «сетевых» политиков и успешно манипулировал темой Интернета как среды обитания наиболее «продвинутой» части электората. В результате в общественном мнении Немцов и Кириенко стали «главными интернетчиками» среди политиков. В частности, Кириенко еще зимой 1999 года

¹ Зудин А. Союз Правых Сил // Россия накануне думских выборов 1999 года. Московский центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.

² СПС уступал ЛДПР и «Яблоку» лишь в категории «молодых взрослых» – от 25 до 39 лет.

предложил своим сторонникам создать «интернет-парламент», предметом обсуждения которого должны были стать «общенациональная стратегия России в следующем тысячелетии», экономическая программа движения «Новая сила», конституционная реформа и «разработка нового политического языка».

Одним из главных интеллектуальных центров, поддерживавших экспансию правых в интернет-пространство, был Фонд эффективной политики – одна из первых в России структур, профессионально занимавшихся разработкой, созданием и поддержанием интернет-проектов. Так, первый персональный сайт политика (www.nemtsov.ru) был разработан именно ФЭПом. Ряд сетевых газет, запущенных этой структурой, оказывали информационную и идеологическую поддержку российским либералам.

Опора на молодежь, привлечение интернет-технологий – это лишь наиболее заметные, но не самые принципиальные отличия от других партий и движений. Гораздо более важным было использование системы профессиональных и экспертных сетей, ставшее настоящим ноу-хау правых.

Во многих случаях ядра этих сетей возникали на базе местных университетов и экспертных центров. Одной из самых известных сетей стала нижегородская, связанная с именем профессора Петра Щедровицкого, и московская, связанная с Вячеславом Глазычевым и Маратом Гельманом. Сети эти имели точки соприкосновения как на уровне личных контактов, так и на уровне идеологии: Глазычев долгое время сотрудничал с отцом Петра Щедровицкого, известным философом Георгием Щедровицким, осно-

вателем «школы методологов». Что же касается самого Щедровицкого-младшего, то его, как и политтехнолога Ефима Островского, привлек к политическому консультированию «Новой силы» Марат Гельман. Впоследствии на выборах 1999 года Щедровицкий-младший занимался также «комплексным проектированием и организационным сопровождением кампании СПС». Не касаясь сейчас идеологии методологов, заслуживающей отдельной статьи, отметим, что и в Москве, и в Нижнем Новгороде в их ассоциациях принимали участие не только (и даже не столько) политтехнологи, сколько философы и архитекторы. Главной задачей этих объединений было конструирование новых социальных, организационных, культурных и эстетических моделей. При этом «развитая мыследеятельностная концепция», на которую опирались методологи, «конечно, к проектированию не имела ни малейшего отношения, а выростала из педагогики»¹.

«Сетевые опорные ядра, конечно, были во всех крупных городах, – вспоминает Глазычев. – В ту пору крупнейшие города и были ресурсом поддержки правых. Но это была, скорее, поддержка на противостоянии другому, чем на ясно выраженной политической платформе».

«Другие» в данном контексте – это совокупность всех политических сил, которые, с точки зрения правых, были ориентированы на советское прошлое (КПРФ) или на поддержание статус-кво в настоя-

¹ Глазычев В. Лекция об эволюции проектирования. Крым, Новый Свет, июль 2001 года.

щем (ОВР, ЛДПР). В отличие от «других», СПС и особенно те участники блока, которые были связаны с новыми общественно-политическими движениями («Новая сила», «Россия молодая», «Общее дело»), изначально нацеливались на завоевание будущего.

Портрет: Сергей Кириенко

Сергей Кириенко вошел в новейшую историю России как «отец дефолта» 1998 года. Дефолт начался с решения правительства заморозить выплаты по ГКО и ОФЗ, внешним долгам коммерческих банков и компаний, и расширить валютный коридор рубля, несколько лет являвшийся символом «черномырдинской стабильности». В итоге начался масштабный финансовый кризис, едва не поставивший страну на грань катастрофы. 18 августа Кириенко и глава ЦБ РФ Сергей Дубинин подали прошения об отставке, однако их отставка не была принята. Правительство Кириенко было отправлено в отставку в полном составе спустя пять дней, 23 августа. Сам Кириенко связывал изменение решения президента с тем, что он отказал Борису Березовскому в предоставлении ему кредита ЦБ.

После отставки правительства Кириенко на некоторое время ушел в тень, стараясь тем не менее сохранить ключевые связи в высших эшелонах власти. Однако многие соратники на «среднем уровне» российской политики отвернулись от бывшего премьер-министра. Среди последних можно назвать мэра Нижнего Новгорода Юрия Лебедева, чья избирательная кампания была профинансирована людьми из окружения Кириенко, а также бывшего заместителя экс-премьера в нефтяной компании «Норси-ойл» Дмитрия Савельева¹.

¹ С 1996 по 1997 год Сергей Кириенко возглавлял «Норси-ойл». Став премьером, Кириенко перевел Савельева в Москву и, несмотря на сопротивление Березовского и Абрамовича, сделал его главой компании «Транснефть».

Тем не менее Нижний Новгород оставался для Кириенко «крепким тылом». Для победы СПС нижегородская команда Кириенко сделала очень многое. Речь идет не только о кадровых политиках, но и об интеллектуальных центрах, бизнес-структурах и т. д.

Подводя итоги выборов 1999 года, Кириенко заявил: *«Даже не до конца подведенные промежуточные результаты убедительно доказали правоту нашей политики, правильность построенной предвыборной борьбы, что, в конце концов, доказывает, что мы самые умные и самые достойные для того, чтобы занимать высшие государственные посты в России».*

После выборов 1999 года Кириенко стал лидером фракции СПС в Государственной Думе РФ третьего созыва. Однако на этом посту пробыл недолго – 18 мая 2000 года, почти сразу же после инаугурации Владимира Путина, он был назначен полномочным представителем президента РФ в Приволжском федеральном округе. Вернувшись на госслужбу, Кириенко приостановил свое членство в СПС, продолжая, однако, поддерживать правых всеми находившимися в его распоряжении ресурсами. Кроме того, он оставался лидером движения «Новая сила», которое играло роль его кадрового ресурса.

Для Кириенко это назначение было, скорее, повышением – к тому же в этот период он являлся единственным штатским среди полпредов (шестеро остальных были генералами). Он рассматривал свой новый пост как возможность в экспериментальном порядке разработать и внедрить в ПФО новую модель управления, которую можно было бы использовать в дальнейшем для всей России. На это были направлены усилия различных центров, функционировавших в Нижнем Новгороде под патронажем полпреда, – в частности, «школы методологов» Петра

Щедровицкого. Эти центры играли роль своего рода *think tanks* правых, являясь одновременно ядрами профессиональных и экспертных сетей, объединявших интеллектуалов, бизнесменов и региональных политиков.

Деятельность Кириенко на посту полпреда в ПФО была достаточно эффективной – ему удалось добиться максимальной лояльности глав ряда регионов округа федеральному центру или заменить их фигурами, устраивавшими Кремль. В частности, при поддержке Кириенко близкие к Кремлю кандидаты смогли выиграть губернаторские выборы в Ульяновской и Пермской областях, а также в Республике Марий Эл, которые до того считались вотчинами коммунистов. Единственная крупная неудача постигла Кириенко в «собственной» Нижегородской области – здесь поддерживаемый им кандидат Иван Скляров проиграл выборы действующему губернатору коммунисту Геннадию Ходыреву. Немалую роль в этом сыграли бывшие соратники Кириенко Савельев и Лебедев. Кириенко, однако, удалось обратить это поражение в победу, пусть и относительную: после избрания Ходырев приостановил свое членство в КПРФ и объявил о поддержке президента Путина.

Таким образом, в деле выстраивания «вертикали власти» в ПФО Кириенко добился несомненных успехов. Однако с заявленными инновациями в области управления, на которые, собственно, и уходила значительная доля ресурсов интеллектуальных центров правых, дело обстояло не так хорошо. В реальности многочисленные инициативы Кириенко вызывали настороженную (а порой и негативную) реакцию федерального центра. Кириенко, в частности, начал кампанию по передаче столичных функций в регионы, выступая за перенесение в Нижний Новгород парламента, Центробан-

ка, Верховного и Конституционного судов, предлагал наделить полпредов надзорными функциями за финансовыми потоками, направляемыми в регионы из центра, разработал программу эффективного целевого расходования этих средств. Именно с этими инициативами, ни одна из которых так и не была реализована, связывают реформу института полпредов (2001) – они были выведены из прямого подчинения президенту и переподчинены главе президентской администрации.

Ряд менее масштабных новаций Кириенко все-таки был осуществлен: так, в 2000 году он ввел в ПФО открытые конкурсы на замещение вакантных государственных должностей «Государственный кадровый резерв России». В рамках этих конкурсов была сформирована команда из 15 молодых управленцев аппарата полпреда. Идея конкурсного замещения государственных должностей активно обсуждалась еще в период работы над предвыборной программой СПС.

Кириенко-полпред, безусловно, сделал многое для того, чтобы идеи СПС нашли свое воплощение в политической реальности хотя бы в пределах ПФО. Однако, находясь на известном удалении от Москвы, он не имел возможности непосредственно влиять на партийную деятельность своих соратников по правому лагерю. Судьба СПС – партии, эффектный взлет которой был во многом связан с именем Кириенко, – с лета 2000 года стала зависеть совсем от других людей.

Глава 2

ПРОГРЕССОРЫ

1999–2000

ГОДЫ

Правые и власть: несостоявшиеся союзники

Добившись реального успеха на выборах 1999 года, правые поспешили закрепить его как на федеральном, так и на региональном уровне. В Госдуме была сформирована фракция из 33 депутатов – четвертая по величине. Руководство фракции включало в себя первую тройку избирательного списка СПС – Кириенко, Немцова, Хакамаду, а также Виктора Похмелкина. Реальный контроль над фракцией сосредоточил в своих руках Кириенко. Он стал председателем фракции, а его верная соратница Любовь Глебова – секретарем фракции. Таким образом, в парламенте ведущая роль перешла к движению «Новая сила» и связанным с ним политикам, тогда как влияние ДВР и других объединений «старых демократов» постепенно стало уменьшаться.

Выступив во время парламентской кампании 1999 года союзником Путина и движения «Единство», СПС рассчитывал играть первостепенную роль в

правоцентристской коалиции, которая, казалось, должна была сложиться в Госдуме после поражения главного противника Кремля – ОВР. Основой коалиции предполагался союз между блоком «Единство» и СПС. Кроме них правоцентристское большинство должно было включать также фракцию «Яблоко», депутатскую группу «Регионы России» и часть ОВР.

Однако вскоре после выборов Кремль дал понять, что не склонен переоценивать лояльность СПС. *«В 1999 году для СПС поддержать власть было событием, это во многом означало переступить через себя, изменить своим подходам 1990-х годов, – считает политолог Алексей Макаркин. – Но для власти такая поддержка была абсолютно естественным шагом. Кремль считал, что иная позиция по Чечне – это почти государственная измена. Не за что благодарить».*

Вероятно, неудача проекта правоцентристской коалиции в Думе связана с изменением позиции руководителя администрации президента Александра Волошина. Волошин, традиционно благоволивший правым, в какой-то момент пришел к выводу, что проект «правоцентристского большинства» обладает целым рядом недостатков. Он предполагал слишком мягкую, а следовательно, ненадежную формулу политического контроля над Госдумой. Наличие четырех-пяти участников коалиции делало ее недостаточно устойчивой. К тому же в отношении управляемости и договороспособности одного из участников «правоцентристского большинства» – «Яблока» – иллюзий питать не приходилось.

После некоторых колебаний Волошин и его заместитель Владислав Сурков решили сделать ставку на

коалицию двух фаворитов парламентских выборов – «Единства» и КПРФ. Оппозиционность КПРФ не по-

i В ноябре 2003 года политический обозреватель Дмитрий Крылык на сайте «Политком.ру» писал: «Не секрет, что бывший глава АП – а равно исполнительная власть всех прежних, ельцинских, изданий – куда лучше относился к СПС, чем к вечно оппозиционному “Яблоку”».

мешала Кремлю: ключевым фактором стало конструирование ситуации, которая делала невозможным возникновение устойчивой коалиции, направленной против «Единства». Новая модель, получившая название «подвижного большинства», была признана более управляемой, чем широкая правоцентристская коалиция. Поэтому претензии правых на особую роль в Госдуме были отвергнуты. Им не удалось провести свою кандидатуру на пост спикера ГД (СПС выдвигал Похмелькина) и получить контроль над тремя ключевыми комитетами. В итоге соглашения между «Единством», КПРФ и аграриями все важнейшие комитеты распределялись между этими партиями, а СПС, ОВР и группе «Регионы России» было оставлено несколько второстепенных постов. «Яблоку» вообще не дали ни одного комитета. В результате фракции СПС, «Яблоко», ОВР и «Регионы России» объявили бойкот пленарным заседаниям ГД и отказались занимать предложенные им второстепенные думские посты.

Неожиданное предательство «Единства» поразило либералов. Покинув зал заседаний ГД, Кириенко заявил журналистам, что сожалеет о том, что СПС рассматривал блок «Единство» в качестве своего союзника. «Тако-

го позора в Госдуме не было никогда, – заметил Кириенко. – Жаль, что “Единство”, которое мы считали своим партнером, избрало своим партнером компартию».

Реакция левых либералов была еще жестче. *«У новой Госдумы медвежье лицо, – заявил лидер «Яблока» Григорий Явлинский. – В Думе сформировался нерушимый блок коммунистов и беспринципных».*

Кириенко высказал предположение, что на основании покинувших зал заседания депутатских объединений может быть создана «правоцентристская коалиция». Эта перспектива вынудила администрацию президента пойти с правыми на компромисс. В конце января 2000 года Кириенко был приглашен в Кремль, где встретился с и. о. президента РФ Путиным и главой АП Волошиным. Используя тактику сепаратных переговоров, Кремлю удалось расколоть неустойчивую «коалицию меньшинств», и 9 февраля 2000 года депутаты от СПС, ОВР и «Яблока» вернулись в зал пленарных заседаний.

Тем не менее парламентский кризис чувствительно ударил по позициям правых. Чувство эйфории, охватившее либеральный лагерь после выборов 1999 года, развеялось. Впервые стало очевидно, что 8,5 процента, казавшиеся в декабре нереальным успехом, в действительности весьма и весьма средний результат, достигнутый во многом за счет поддержки правых Путиным и постоянного присутствия в эфире федеральных телеканалов. *«Политическое поражение ретроспективно девальвировало моральный смысл электорального успеха СПС на выборах. Он начинает интерпретироваться как “нечестный”», –* писал политолог Алексей Зудин.

Кроме того, парламентский кризис стал первой серьезной трещиной, появившейся между правыми и и. о. президента. После того как «Единство» пошло на союз с КПРФ, позиции лидеров СПС, позиционировавших себя сторонниками Путина, серьезно пошатнулись. Чубайс, рассматривавшийся как «теневого лидер» правых, ориентированный на сотрудничество с политическим режимом Путина, сразу после кризиса выступил с резкой критикой действий федеральных властей в «деле Бабицкого» в Чечне. Чубайс заявил, что это «безусловная и однозначная ошибка власти», «по сути и по политическим последствиям, в том числе и для Путина, это негатив, нет сомнений». Кроме того, глава РАО ЕЭС подтвердил, что «никак не планирует» своего участия в предвыборном штабе Путина. Это был недвусмысленный намек на то, что правые недовольны отношением к ним и. о. президента. Ирина Хакамада, считавшаяся союзницей Чубайса во фракции СПС, направила депутатский запрос в Генпрокуратуру по делу Андрея Бабицкого. Этот шаг, конечно, не означал еще публичного осуждения правыми войны в Чечне, но был расценен в Кремле как безусловно недружественный.

Перед выборами президента в марте 2000 года часть депутатов фракции СПС выступила против кандидатуры Путина. Это прежде всего относится к «старым демократам» – Юшенкову, Ковалеву и Рыбакову¹. 25 февраля 2000 года на заседании коорди-

¹ Сергей Юшенков призвал правых голосовать «против всех», Сергей Ковалев поддержал кандидатуру Григория Явлинского, а Юлий Рыбаков – Константина Титова.

национного совета СПС было принято формально решение не выдвигать своего кандидата на президентских выборах – то есть не признавать официальными кандидатами СПС ни Константина Титова, поддержанного рядом входящих в СПС партий, ни Владимира Путина, за которого призывали голосовать Чубайс и Кириенко.

Однако 14 марта 2000 года на совместном заседании фракции СПС и КС блока был вновь поставлен вопрос о президентских выборах, и на этот раз – под давлением Чубайса – было принято решение о поддержке кандидатуры Путина.

Главный союзник Путина во фракции СПС Сергей Кириенко после президентских выборов получил предложение занять пост полномочного представителя президента РФ в Приволжском федеральном округе. Как утверждал сам Кириенко, президент поставил перед ним определенную задачу – разработать для округа такую модель управления, которую можно было бы использовать в дальнейшем для всей России.

Под контролем Кириенко в ПФО велась серьезная экспертная работа по созданию новых моделей управления на базе традиционных правых ценностей. Главным штабом разработки этих моделей стал Центр стратегических исследований ПФО, созданный в 2000 году по проекту политтехнолога СПС Петра Щедровицкого. В планы Щедровицкого входило создание окружного Центра стратегических исследований при каждом полпреде, но в полной мере эту идею удалось реализовать лишь в ПФО, где Кириенко доверил ЦСИ разработку долговременных стра-

тегий по управлению округом на основе методологии принятия наиболее эффективных решений. В целом в 2000–2005 годах ПФО служил своего рода полигоном для реализации методик администрирования, приемлемых для российских правых.

2000–2001 Годы От блока – к партии

Говорить об СПС как о политической партии корректно лишь с 26 мая 2001 года. И хотя решение о преобразовании Общероссийской политической общественной организации СПС в партию было принято еще в декабре 2000 года, реализация этого решения постоянно откладывалась: чтобы СПС стал полноценной партией, требовалось, чтобы входившие в него партии и общественные организации самораспустились. Чрезвычайная политическая пестрота и многочисленность организаций, входивших в СПС, сделали процесс кристаллизации партии длительным и сложным.

Как ни странно, но звездный час правых – их чрезвычайно эффективная избирательная кампания 1999 года и фактическое превращение ПФО в полигон для обкатки либеральных идей – относится к периоду, когда СПС еще не был партией. Более того, объединительно-учредительный съезд Общероссийской политической общественной организации

(ОПОО) СПС состоялся 20 мая 2000 года, то есть после «парламентского кризиса». До этого момента правые были – во всяком случае формально – лишь коалицией самостоятельных политических и общественных организаций. При этом многие из этих организаций заново решали для себя вопрос, входить или нет в учреждаемую ОПОО СПС. Так, за день до объединительно-учредительного съезда СПС состоялся III съезд Консервативного движения «Новая сила», на котором было принято решение об участии НС в учреждении ОПОО СПС и предложены кандидаты в состав КС¹.

Всего в состав ОПОО СПС на полноправной основе (то есть с правом представительства в руководящих органах) вошли девять объединений-учредителей: помимо «Новой силы» это были ДВР Егора Гайдара, партия ДР Юлия Рыбакова, «Общее дело» Ирины Хакамады, «Россия молодая» Бориса Немцова, «Голос России» Алексея Кара-Мурзы, Движение нового поколения (ДНП) Николая Брусникина, «Российские налогоплательщики» (РН) Владимира Головлева, «Юристы за достойную жизнь и права человека» (ЮДЖПЧ) Гасана Мирзоева. Еще одно объединение – движение «Либеральная Россия» (ЛР) Сергея Юшенкова вошло в СПС с правом получить представительство в руководстве в будущем. На тех же условиях в ОПОО СПС было предложено вступать и другим организациям – в том числе участникам бывшего избирательного блока СПС.

¹ На этом же съезде председателем политсовета «Новой силы» вместо получившего пост полпреда в ПФО Сергея Кириенко была избрана Любовь Глебова.

Сопредседателями КС были избраны Анатолий Чубайс, Егор Гайдар, Борис Немцов, Ирина Хакамада, Сергей Кириенко (через несколько дней после съезда он временно приостановил свое членство в СПС, в связи с чем одно место сопредседателя осталось вакантным).

В координационный совет СПС вошло по два представителя от объединений-учредителей. В силу того что многие члены СПС совмещали членство в различных организациях с членством в ДВР, семеро членов КС представляли партию «Демократический выбор России». Председателем исполкома стал Борис Минц (рассматривавшийся как креатура Чубайса), ответственным секретарем – Виктор Некрутенко (ДВР).

Майский (2000 года) съезд СПС стал не только важным шагом на пути к созданию партии, но и вехой в идеологической эволюции. На нем были наконец приняты программные документы правых – «Либеральное решение» (тезисы экономической программы СПС, подготовленные Егором Гайдаром) и «Русский либеральный манифест» Алексея Кара-Мурзы.

«Либеральное решение» было принято без поправок в целом, «Русский либеральный манифест» принят за основу и вместе с предложенными поправками направлен в региональные организации для дальнейшего обсуждения. Характеризуя нынешнее состояние в обществе, автор «Манифеста» отмечал наличие множества угроз, способных повернуть вспять процесс реформирования в России. По его мнению, наиболее явными угрозами распространению либерализма в России являются: иждивенчество и гражданская пассивность населения, стремление к великодержав-

вию, угроза частной собственности, бюрократизация чиновничьего аппарата и коррупция, правовой нигилизм, неустойчивость демократических институтов, угроза правам личности со стороны этнических и религиозных групп, информационный монополизм. Год спустя «Манифест» был положен в основу Политической декларации СПС, принятой учредительным съездом СПС в мае 2001 года.

«Либеральное решение» предполагало реализацию следующих принципов:

- снижение управляющей роли государства в рыночной среде и усиление охранительных функций (защита принципов конкуренции и прав собственника);
- лишение чиновников экономической власти;
- унификация федерального и регионального законодательства;
- отказ от пересмотра итогов приватизации;
- сокращение налогового бремени;
- реформа банковской системы;
- реформирование естественных монополий путем создания в этих отраслях конкурирующих структур и др.

Кроме того, СПС последовательно выступал за реализацию программы реформирования вооруженных сил, предусматривающей сокращение их численности, сокращение сроков срочной службы до шести месяцев и переход комплектования вооруженных сил на контрактную основу.

Внешнеполитическая программа СПС была изложена в «Декларации об основах внешнеполитической

концепции политической партии «Союз Правых Сил»». В этом документе заявлялось о приверженности правых курсу на установление союзнических отношений со странами Запада. Подчеркивалось, что «Россия принадлежит к великой и единой европейской цивилизации», при этом понятие «европейская цивилизация» истолковывается более широко – как цивилизация Запада. По мнению авторов декларации, в условиях глобализации мировых процессов интересам России отвечает курс на всеобъемлющую интеграцию в различные международные политические и экономические структуры. Россия должна «замкнуть Северное кольцо (Европа – Россия – Япония – Северная Америка)», тем самым она «призвана внести решающий вклад в создание единого пространства развитых демократических стран».

Следующим шагом на пути к партийной организации стало закрытое заседание руководства СПС 20 января 2001 года. На нем было подтверждено решение о необходимости преобразования ОПОО СПС в политическую партию праволиберальной ориентации с предварительным роспуском всех входящих в движение объединений. Была сформирована специальная комиссия для подготовки документов. Совмещение членства в партии с участием в других общественно-политических организациях было признано недопустимым.

Весной 2001 года основным пунктом разногласий в СПС стал вопрос о будущем лидере (председателе федерального политсовета) создаваемой партии. Часть представителей ДВР, находившихся под сильным влиянием Чубайса, разделяла мнение союзни-

ков по коалиции («Молодой России», «Новой силы», «Общего дела», «Юристов»), считавших, что лидером должен быть Немцов, тогда как правозащитники, скептически настроенные в отношении поддержки правыми действий власти, выступили с ультимативным требованием, чтобы на пост лидера баллотировался Гайдар¹. В начале мая 2001 года «старые демократы» убедили Гайдара выдвинуть свою кандидатуру на пост лидера партии СПС и обязали его отстаивать поправки ДВР в проект устава партии. Однако попытки «старых демократов» перевести СПС на оппозиционные рельсы (по вопросу отношения к президенту, конфликту вокруг НТВ и т. д.) успеха не имели.

Процесс самороспуска общественных и политических организаций, входивших в состав ОПОО СПС, начался в апреле 2001 года, когда самораспустились «Общее дело» и «Россия молодая». При этом «Общее дело» отозвало своего представителя Юрия Нисневича (являвшегося также членом ДВР) из политсовета СПС, заменив его Борисом Надеждиным из «Новой силы». Затем 12 мая на съезде в Смоленске самораспустился «Голос России», выдвинув третьим (после Немцова и Гайдара) кандидатом на пост председателя федерального политсовета СПС автора «Русского либерального манифеста» Алексея Кара-Мурзу. Наконец, 19 мая решение о самороспуске приняли Движение нового поколения, «Новая си-

¹ Политолог Владимир Прибыловский указывает, что «правозащитники-антипутинцы... ошибочно считали Гайдара более независимой от Чубайса фигурой».

ла», ЮДЖПЧ, партия «ДемРоссия». В тот же день на X съезде партии ДВР было объявлено о самороспуске с момента учреждения партии СПС, заявленного на 26 мая. Кандидатом от ДВР на пост председателя федерального политсовета СПС был выдвинут Егор Гайдар.

Съезд СПС проходил в новом здании Академии наук на Ленинском проспекте. Это было достаточно символично, поскольку СПС позиционировал себя не только как партия «капиталистов», но и как партия интеллигенции. Присутствие на съезде Григория Явлинского давало некоторую надежду на то, что процесс сближения «Яблока» и СПС будет продолжен.

i На майском (2000 года) съезде ОПОО СПС Борису Немцову и Ирине Хакамаде было поручено продолжить консультации с «Яблоком» «с целью объединения усилий во время предстоящих выборных кампаний».

Съезд продолжался 22 часа – с десяти утра субботы до восьми утра воскресенья. И открытие, и закрытие съезда проходило под «Патриотическую песнь» Глинки – официальный партийный гимн ДВР, ставший теперь гимном СПС. Правые не раз заявляли, что собираются вновь сделать его государственным гимном. Сразу же после того, как стихли последние аккорды «Патриотической песни», между либералами-державниками и «старыми демократами» из ДВР развернулась острая политическая борьба. Несмотря на то что значительную часть делегации ДВР на съезде СПС составили сторонники «компромиссной» линии и либералы-державники, к полуночи

субботы возникла реальная угроза консолидированного голосования депутатов от ДВР против предложенного проекта устава СПС¹.

Непримиримый протест ДВР вызвали два пункта в проекте устава: о том, что член партии в обязательном порядке должен исполнять волю политсовета под угрозой исключения из рядов СПС, а также о статусе совета партии. Совет партии определял региональную политику СПС и в первоначальном варианте устава был достаточно символическим консультативным органом. «Старые демократы», обеспокоенные усилением влияния федерального политсовета, в котором им принадлежало не так много мест, требовали усилить статус совета партии, видя в нем некоторый противовес ФПС. Либералы-державники возражали, считая, что партийные органы не должны дублировать друг друга.

Битва за поправки, на которых настаивал ДВР, грозила сорвать работу съезда в целом. После того как съезд отклонил поправки вместе с другими, не столь принципиальными, делегаты от ДВР собрались на совещание и решили бойкотировать устав, коль скоро съезд отказывается внести принципиальные изменения, делающие, по мнению ДВР, главный партийный документ менее авторитарным.

Ультиматум ДВР заставил пять сопредседателей СПС вернуться к рассмотрению двух поправок, и в конечном итоге под давлением Чубайса съезд при-

¹ Аркадий Мурашев заявил, например, что не считает себя связаным рекомендацией съезда ДВР и будет голосовать за Немцова.

нял поправки ДВР. После принятия устава партии на учредительном съезде партии СПС выступил Борис Немцов. Немцов пообещал делегатам, что «СПС будет супердемократической партией. Более демократичных партий не было ни в России, ни в мире».

i В окончательном варианте устава член СПС в случае несогласия с решением политсовета имел право его не исполнять, но обязан был не препятствовать действиям по исполнению решения – в том числе в виде публичной критики. По второму пункту было принято компромиссное решение – если совет партии не согласен с решением политсовета, он мог предложить ФПС исправленный вариант решения – и так до тех пор, пока не будет найден консенсус.

Особенно подробно Борис Немцов остановился на вопросе о принятии поправок ДВР к проекту устава. То, что СПС удалось разрешить возникшее в ходе обсуждения устава противоречие, показывает, по словам Немцова, что эта партия и в будущем будет способна к компромиссам и будет учитывать мнение меньшинства.

Дискуссию вызвал также вопрос о составе федерального политсовета. При выборе членов ФПС была использована процедура мягкого рейтингового голосования, которая фактически превратилась в публичные соревнования по популярности среди пражских (в политсовете было 32 места, а кандидатур было выдвинуто 55). После одной из самых продолжительных ночных пауз счетная комиссия объявила результат: самым популярным правым оказался Анатолий Чубайс (306 из 403 делегатов). Немного отстал Борис Немцов (298). Третье место оказалось у Сергея Кириенко, четвертое – у Алексея Кара-Мур-

зы, пятое – у Ирины Хакамады, шестое – у Павла Крашенинникова, седьмое – у Егора Гайдара.

Оказавшись лишь на седьмом месте в «реестре популярности», Егор Гайдар решил отозвать свою кандидатуру при состязании за пост председателя ФПС. Гайдар уже несколько месяцев считался правыми главным конкурентом Немцова, и его участие в состязании не подвергалось сомнению. Гайдар согласился участвовать в конкурсе во многом под влиянием своей партии, и различные уступки ДВР ради объединения объяснялись гарантией Гайдара конкурировать за пост председателя политсовета. После того как ДВР согласился пойти на компромисс с либералами-державниками, отказ Гайдара от дальнейшей борьбы был воспринят частью «старых демократов» как предательство.

Делегат съезда Сергей Юшенков, возглавляющий группу активистов ДВР, не приемлющих объединения в единую партию, заявил, что не войдет в состав СПС потому, что консервативную и либеральную тенденции лучше не объединять в одну партию, тем более при явном консервативном доминировании. Вместе с Юшенковым о выходе из СПС и намерении создать партию «Либеральная Россия» заявили Сергей Ковалев и Владимир Головлев. Также сохранила отдельное существование часть партии «Демократическая Россия» (петербургская организация Руслана Линькова). Кроме того, отказ Гайдара от участия в борьбе за пост председателя ФПС ослабил позиции Сергея Кириенко, который предлагал Немцову голоса «Новой силы» в обмен на избрание Любови Глебовой председателем исполкома партии. Однако после

того как Гайдар сошел с предвыборной дистанции, предложение это перестало быть выгодным для Немцова, и председателем исполкома остался Борис Минц.

Выборы председателя ФПС проходили в четыре часа утра. Единственным соперником Бориса Немцова стал бывший председатель политсовета «Голоса России» Алексей Кара-Мурза, которого он и обошел со значительным отрывом. Число сопредседателей ФПС, от имени которых должен был действовать новый лидер партии, было расширено с пяти до восьми, однако норма устава, согласно которой за каждого сопредседателя должно было проголосовать более половины делегатов, не дала провести новых кандидатов. Сопредседателями ФПС остались Чубайс, Немцов, Гайдар, Кириенко и Хакамада, остальные же претенденты не выбрали избирательную норму.

Кроме того, на съезде был принят ряд программных документов, в основном восходивших к «Либеральному решению» и «Русскому либеральному манифесту». Политическая декларация СПС гласила: «Частная собственность, многопартийность, демократические выборы, свобода слова и вероисповедания, уважение к праву, открытость границ стали повседневной реальностью». Подчеркивалось, что главной задачей правой партии является защита завоеваний капитализма (под давлением Немцова и Хакамады термин был заменен на «свободную рыночную экономику»). В документах указывалось, что государство обязано поддерживать слабых (Кириенко и Хакамада настаивали на термине «социально незащищенные», так как правые решили, что сло-

во «слабый» звучит уничижительно; термин «слабые» отстаивали Гайдар и Чубайс, но безуспешно), однако список последних был сознательно ограничен стариками, обездоленными, детьми, инвалидами, а также жертвами войн и катастроф. В списке не было ни больных, ни безработных, ни беременных женщин, ни матерей-одиночек, так как правые видели одну из главных угроз «новому российскому капитализму» в социальном иждивенчестве, «несовместимом со свободой». Это немедленно вызвало критику со стороны союзников СПС по демократическому лагерю. Так, секретарь партии «Яблоко» по идеологии Сергей Митрохин заявил, что «идеология СПС ориентирована на ортодоксальный либерализм XIX века, отрицающий какую-либо роль государства в экономике и не имеющий в числе своих целей социальное государство». В то же время не была принята поправка Кириенко, возражавшего против термина «полицейщина» в резолюции об отношении к правительству – в этом «старые демократы» одолели либералов-державников. Съезд принял основы внешнеполитической концепции СПС, предложенные Ириной Хакамадой. Ориентиром для СПС были названы «развитые страны» (а не «западные страны», как того хотела часть депутатов от ДВР).

В целом учредительный съезд СПС стал значительной победой правых, хотя эта победа и досталась дорогой ценой. Позиции «старых демократов» оказались существенно ослабленными, ряд их вышел из партии (или, точнее, не вошел в состав вновь образованной партии). В итоге идеологической борьбы между группой либералов-державников, поддерживав-

ших президента (Чубайс, Мурашев, группа Кириенко и т. д.), и «старыми демократами» из ДВР и «Демократической России» (Юшенков, Ковалев, Рыбаков, Похмелкин) усилилась группировка, стоявшая на компромиссных позициях (Немцов, Гайдар, Хакамада, Надеждин), что имело далекоидущие последствия для дальнейшей судьбы СПС.

2001–2003 ГОДЫ Правые во власти

Хотя либералы и не сумели добиться реального влияния на политический процесс на федеральном и региональном уровне (за исключением ПФО), их деятельность в период первого президентского срока Владимира Путина была достаточно заметной. Существует мнение, что «первая легислатура» Путина была своего рода «правым ренессансом» – главным образом потому, что политика, проводившаяся правительством России, лежала в основном в рамках либеральной идеологии. Но так ли это на самом деле?

Действительно, в начале 2000-х годов в лагере правых была популярной идея о том, что в обществе востребована новая либеральная модель государственного устройства, реализации которой мешает только косность правящих элит. Либеральные публицисты Татьяна Кутковец и Игорь Клямкин в статье «Нормальные люди в ненормальной стране» пытались развенчать мифы о русском народе как о «на-

роде-овоще», состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, не способных на самостоятельную ответственную инициативу и нуждающихся в постоянном руководстве, и как о православном народе-богоносце. С точки зрения правых, русский народ не являлся православным по своим глубинным убеждениям, напротив, в его ментальности четко прослеживались протестантские ценности (этот вывод делался на основе соцопросов, где людям было предложено сделать выбор не между конфессиями, а между «экзистенциальными смыслами»). Развенчивая эти мифы, Кутковец и Клямкин пытались создать собственный миф – о некоей злокозненной «русской системе», противостоящей проекту модернизации и основанной на подчинении личности некоему стоящему над ней целому (общине, трудовому коллективу, в конечном счете – государству). Создавалась ценностная оппозиция: «модернистская культура – это установка на постоянное развитие потребностей и их удовлетворение в свободной конкуренции умений, способностей и талантов», «русская система» – это «заниженность притязаний» («нестяжательность»), предпочтение выживания перед развитием, ограничение свободной конкуренции локальными сферами и т. д. Делался вывод о том, что за всю историю России не было столь благоприятных условий для ее модернизации и вестернизации. *«Раньше реформы блокировались консерватизмом населения, что предопределяло неудачи прежних модернизаций либо их откровенно насильственный характер. В начале XXI века картина принципиально иная: в современной России реформа-*

торский потенциал общества значительно превышает потенциал элит»¹.

Соответственно усилия правых, инкорпорированных во власть, были направлены на то, чтобы убедить ее использовать этот уникальный шанс для «модернизации и вестернизации» страны. Наиболее логичным для этого было навязать власти свою экономическую программу, которую Путин принял из рук Кириенко еще перед выборами 1999 года.

С одной стороны, это было достаточно легко, поскольку альтернативных программ на тот момент в стране не существовало. У «Единства» четко разработанная программа отсутствовала принципиально: по свидетельству одного из соразработчиков платформы «медведей» Станислава Белковского, *«тогда было принято избегать ярко выраженной программы, что технологически было правильно: поддержка чеченской войны, молодого лидера в противовес полуполитимному старому была наиболее важной составляющей исторического месседжа. Конкретика программы от него бы отвлекала».*

Левые на тот момент также не имели конкурентоспособной экономической программы. Желания вернуться к модели государственного регулирования экономики власть не изъявляла. В создавшемся идеологическом вакууме единственным интеллектуальным центром, способным предложить власти программу экономических преобразований, оставался СПС. Другое дело, что на момент парламентских

¹ «Московские новости», 3 июля 2002 года.

выборов 1999 года экономическая программа СПС также нуждалась в серьезной доработке.

Работа по сближению экономической программы СПС и позиции власти велась весной 2000 года в подконтрольном Кириенко ПФО. Там существовал филиал Центра стратегических разработок Германа Грефа, готовившего программу стратегического развития РФ до 2010 года. В точности неизвестно, какие из разработок экспертов СПС вошли в программу Грефа, но сами правые считали ее наиболее приемлемой из тех, которые могло реализовать правительство. *«Разумеется, мы поддерживаем программу Грефа, поскольку в ней совершенно ясно прописано уменьшение роли вмешательства государства в экономику. Это очень важно, поскольку государство является самым неэффективным собственником. Дeregулирование со стороны государства – это важное направление грефовской программы. Также в ней много других вещей, связанных с либерализацией (например, налоговое законодательство), в ней делается ставка на внутренние источники развития, на нестатичность субъектов»*, – заявлял летом 2001 года представитель лагеря «старых демократов» во фракции СПС Сергей Юшенков.

Программа Грефа, как известно, не получила статус правительственной и в целом не была реализована. Тем не менее в период первого президентского срока Путина правительство последовательно проводило курс, ориентированный на рыночную экономику и исключение возможности возврата к плановому хозяйству. По мнению проректора ГУ-ВШЭ Льва Яковсона, *«экономическую политику Путина в*

целом можно считать либеральной, хотя ее реализация часто отличалась противоречивостью. Не произошло того, что вполне было возможно в тот период: возврата к огосударственной экономике. Сегодня мы уже отчасти забыли, что тема возврата не исчезла из повестки дня на протяжении всех девяностых годов. Именно в первый срок президентства Владимира Путина эта тема полностью исчезла. И это главное либеральное достижение первого срока Путина».

Правые играли довольно заметную роль в проведении либеральной экономической политики первого срока Путина. По свидетельству Бориса Надеждина, «многие законы, которые были приняты в первый срок Путина, были написаны просто Егором Гайдаром: Налоговый кодекс, плоская шкала подоходного налога, налоги с продаж, ЕСН». Во многом это объяснялось тем, что правые естественным образом заняли невостребованную другими политическими силами нишу. «В бюджетный комитет, – вспоминает Надеждин, – в который записались 50 человек, на заседания реально ходили человек пять. Когда обсуждались мелкие вопросы, конечно, набегали лоббисты. А когда обсуждались макровопросы, в том числе Налоговый кодекс, реально участвовало очень мало людей». Главную работу по редакции и принятию Налогового кодекса выполняли в основном два человека – Егор Гайдар и Владимир Дубов¹.

Поскольку принятие таких стратегически важных документов, как Налоговый кодекс, не могло

¹ Крупный акционер ЮКОСа, депутат ГД третьего созыва от ОВР (позже – от ЕР).

осуществляться без согласования с Кремлем, то, естественно, существовали устные договоренности между лидерами правых и влиятельными чиновниками из администрации президента. В частности, все вопросы, связанные с Налоговым кодексом, курировал глава АП Александр Волошин. В данном случае интересы правых и Кремля полностью совпадали – Кремлю необходимо было «продать» сопротивление левых в парламенте, чтобы принять налоговое законодательство, которое позволило бы осуществить правые по существу экономические реформы в стране.

i Александр Волошин курировал вопросы, связанные с Налоговым кодексом, не только в нижней палате парламента, но и в Совете Федерации. На обсуждения Налогового кодекса, проходившие в стенах сената, Волошин неизменно отряжал в помощь чиновникам правительства (вице-премьеру Алексею Кудрину и первому заместителю министра финансов Сергею Шаталову) команду сотрудников-лоббистов.

Фракция СПС последовательно голосовала за правительственный бюджет на 2001, 2002 и 2003 годы. В конце 2002 – начале 2003 года фракция СПС активно отстаивала в Думе внесенный правительством так называемый чубайсовский «Закон об электроэнергетике» и 21 февраля 2003 года солидарно голосовала за него в третьем чтении. Большая часть фракции СПС не участвовала в голосовании по закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме», существенно ограничивавшему конституционные права СМИ и выступающих в них граждан, четыре члена фракции го-

лосовали «за». Позже фракция СПС в полном составе (за исключением беспартийного члена фракции Ковалева) голосовала за поправку к закону о референдуме, запрещающую проводить референдум за год до федеральных выборов.

Естественно, что правые поддерживали далеко не все инициативы федеральной власти. Так, они довольно упорно сопротивлялись принятию президентского законопроекта о гражданстве. 20 февраля 2002 года большинство фракции СПС голосовало во втором чтении против законопроекта, лишаяющего бывших граждан СССР, включая русских, права на получение гражданства РФ по упрощенной процедуре.

19 апреля 2002 года большая часть фракции СПС голосовала в Государственной Думе в третьем чтении против закона о гражданстве, который приравнивал в вопросе получения российского гражданства бывших граждан СССР – включая выходцев из России, в том числе около 20 миллионов русских, – к любым другим иностранцам.

В апреле 2003 года фракция разделилась при голосовании за принятие в третьем чтении поправок к закону «Об основах федеральной жилищной политики», предусматривающих, в частности, возможность выселения неплательщиков из квартир, причем большая часть правых голосовала против поправки. В июне 2003 года значительное большинство депутатов от СПС голосовало против президентских поправок к закону о СМИ, предусматривавших механизм наказания СМИ за нарушение избирательного закона. Осенью того же года депутаты из фракции СПС во главе с Борисом Надеж-

диным выступили с инициативой обращения в Конституционный суд с просьбой проверить закон «Об основных гарантиях избирательных прав» (поддержанный ими весной 2002-го) на предмет его соответствия Конституции РФ. Обращение подписали 144 депутата (сначала – 104, затем к ним присоединились еще 40), в том числе 29 депутатов фракции СПС (включая Павла Крашенинникова, голосовавшего как за этот закон в мае 2002 года, так и за соответствующие поправки к закону о СМИ в мае 2003-го). Наконец, в октябре 2003 года фракция СПС в Думе в полном составе голосовала против восстановления обязательной начальной военной подготовки в школах.

В целом законотворческая деятельность СПС в ГД третьего созыва основывалась на системе договоренностей с более крупными фракциями, в первую очередь с «Единым», и с администрацией президента. *«Мы не могли сами провести наши законы – нас было всего 32 депутата, – говорит Надеждин. – Поэтому я очень много времени проводил в администрации президента на рабочих группах, убеждая бригаду управления внутренней политикой – Вячеслава Суркова, Александра Косопкина – в необходимости принятия тех или иных законов... Каждый раз был торг. Поэтому какие-то вещи мы могли продавливать в обмен на те вопросы, которые были важны им, но казались непринципиальными нам. Так мы продавливали массу поправок к избирательному законодательству, например, поправку о публикации в Интернете данных избирательного участка, что резко усложнило возможность фальсификации».*

Подобная тактика позволяла правым проводить важные для них законопроекты, однако требовала от них поддержки проектов власти, которые шли вразрез с либеральными установками. Например, в 2000 году часть либералов проголосовала за лоббируемый Кремлем законопроект, предусматривающий третий срок для губернаторов. Виктор Похмелкин в интервью «Полит.Ру» дал понять, что правые сделали это «против своих убеждений» и что сделано это было ради поддержки АП. В интервью было также упомянуто некое «пакетное соглашение», заключенное между ГД, с одной стороны, и АП и губернаторами – с другой.

«Этим голосованием достигнуты определенные политические соглашения как с администрацией президента, так и с руководителями этих регионов. Суть их раскрывать сейчас не могу, но общее направление – это продвижение экономических либеральных реформ, – заявил Похмелкин. – Вопрос в том, какова цена этой сделки. Меня очень волнует, что именно Кремль хочет продвигать через Совет Федерации. Если земельную, налоговую, военную реформы – это замечательно. Если гимн СССР, законы об ограничении свободы слова, свободы предпринимательства, об усилении бюрократического влияния – это крайне опасно и неправильно».

Голоса СПС сыграли определенную (Надеждин считает, что решающую) роль в голосованиях по реформе Совета Федерации в 2000–2001 годах. В результате этой реформы из Совета Федерации ушли губернаторы и спикеры региональных законодательных собраний, чья строптивость не давала Кремлю

проводить нужные ему решения. Губернаторов, считавшихся опорой оппозиционного на тот момент ОВР, заменили представители регионов, назначаемые местными властями по согласованию с федеральным центром. В целом реформа Совета Федерации лежала в рамках пресловутого «укрепления вертикали власти», против которого выступали либералы¹. Впоследствии, когда Кремль завершил операцию по разгрому губернаторской фронды, проведя закон об отмене выборности губернаторов, правые поняли, что их использовали. *«Тогда (голосуя за реформу Совфеда. – К. Б.) я считал, что был прав: что региональные парламенты будут выбирать себе местных руководителей, – вспоминает Надеждин. – И в голову тогда не могло прийти, что Кремль сможет все дело перевернуть с ног на голову. Отмена выборности губернаторов вызвала мою резкую критику. Я даже ходил в Конституционный суд».*

Но было уже поздно.

i В целом реакция СПС на отмену прямых выборов губернаторов была сдержанной. Характерно в этом смысле высказывание Леонида Гозмана в интервью portalу Lenta.ru 17 сентября 2004 года: «Очевидно, что эта мера – отступление от демократии. Однако в этой ситуации не стоит кричать: “Путин – ура!” или “Путин – долой!” Наше дело – работать».

¹ См., например, сборник критических статей публицистов либерального лагеря «Вниз по вертикали» (М.: Колибри, 2005).

Портрет: Анатолий Чубайс

Биография Анатолия Чубайса достаточно хорошо известна. Будучи одним из тех, кто совершил головокружительный карьерный взлет в начале 90-х годов, он сумел не просто удержаться на гребне волны, а закрепить за собой репутацию и статус одного из самых влиятельных персонажей российской политики.

В глазах подавляющего большинства населения России Чубайс, по выражению Ельцина, «виноват во всем» – от приватизации до московского блэкаута. Трудно найти в современной России человека, который так высоко котируется бы как профессионал-управленец и вызывал такую острую классовую ненависть как символ грабительских реформ 90-х годов. Эта двойственность заставила Чубайса играть роль «серого кардинала» правых, своего рода теневого лидера СПС.

Авторитет Чубайса в среде правых (как «новых либералов», так и «старых демократов») всегда был очень высок. Известно, что ряд высказываний Чубайса, шедших вразрез со священными убеждениями демократов (как, например, фраза о возрождающейся в Чечне Российской армии), провоцировал довольно острые внутрипартийные конфликты, которые, однако, всегда разрешались в пользу Чубайса. «Если что-то говорит Чубайс, то это запоминается навсегда», – говорит Борис Надеждин.

Чубайс, без сомнения, заслуживает титула «серого кардинала» СПС, которым его наградили СМИ. Однако титул этот хотя и справедлив, но недостаточен. На

самом деле Чубайса можно смело именовать и главным идеологом, и отцом, и повивальной бабкой, и кормилицей СПС. Естественно, СПС как политический феномен не сводится только к личности Чубайса: однако без Чубайса никакого СПС не было бы.

Именно Чубайсу удалось преодолеть разногласия между «старыми демократами» и «новыми либералами» (или, условно говоря, лагерем Гайдара и лагерем Кириенко), что сделало возможным образование сильного предвыборного блока правых летом – осенью 1999 года. Чубайс был, по-видимому, единственным человеком, способным на такое «миротворчество» – он пользовался авторитетом как у «демократов» (как старый член партии «Демократический выбор России»¹), так и у «новых либералов» – как эффективный менеджер и человек, сохранявший свою близость к Кремлю даже в самых неблагоприятных условиях.

Когда координационный совет СПС в конце февраля 2000 года принял решение не выдвигать своего кандидата на президентских выборах – то есть не признавать официальными кандидатами СПС ни Константина Титова, ни Владимира Путина, – именно Чубайс добился пересмотра этого решения. 14 марта 2000 года на совместном заседании фракции СПС и координационного совета Чубайс сумел продавить решение о поддержке кандидатуры Путина (из семи членов КС «за» проголосовали четверо – сам Чубайс, Сергей Кириенко, Егор Гайдар и Виктор Некрутенко; Константин Титов был против; Борис Немцов и Ирина Хакамада воз-

¹ В 1995 году Анатолий Чубайс приостановил свое членство в ДВР в связи с желанием «сосредоточиться на работе правительства», но позже, уйдя в отставку, восстановился в рядах партии.

держались). За это решение пришлось заплатить самороспуском политсовета СПС и потерей самого Титова, обидевшегося на правых и переквалифицировавшегося в социал-демократы, но выигрыш оказался куда весомее. Курс на поддержку и. о. президента, намеченный осенью 1999 года, был подкреплён важным политическим демаршем.

Именно Чубайс в первые годы существования партии железной рукой укрощал раздиравшие верхушку СПС внутрипартийные интриги. Именно Чубайс обеспечивал правым поддержку администрации президента на протяжении первого президентского срока Владимира Путина. И не кто иной, как Чубайс, обеспечивал финансирование СПС на протяжении почти всего срока существования этой партии – с 2000 по 2007 год.

Сам Чубайс никогда не отрицал своего участия в финансировании СПС, хотя и настаивал на том, что финансирует партию «как частное лицо», а не как глава компании РАО «ЕЭС России». Однако, по-видимому, эти заявления следует воспринимать как попытку отвести от партии упреки в том, что она существует на государственные деньги (именно так высказался на встрече с участниками «Валдайского клуба» Владимир Путин). Во всяком случае, именно после этой встречи, по информации СМИ, Чубайс прекратил спонсирование правых, и в разгар предвыборной кампании СПС оказался в тяжелой ситуации. Уйдя из РАО «ЕЭС России» и став главой «РоснаноТех», Чубайс окончательно потерял возможность финансировать СПС, так как, в отличие от коммерческой структуры РАО ЕЭС, «РоснаноТех» является бюджетной организацией.

Однако роль Чубайса в судьбе российских правых не сводится даже к этим трем важнейшим инструментам влияния – авторитету, связи с федеральным центром и финансированию. Главной целью Чубайса, как представляется, было превращение СПС в инструмент идеологической трансформации общества – и в этом смысле Чубайс был творцом СПС как мощной и влиятельной правой партии в России. Другое дело, что этой цели Чубайсу достичь не удалось – однако зависело это уже не столько от него, сколько от тех, кто пытался использовать СПС в качестве инструмента для удовлетворения личных амбиций.

Чубайс был избран сопредседателем Координационного совета оргкомитета СПС в мае 2000 года, незадолго до того, как Сергей Кириенко приостановил свое членство в партии и уехал в Нижний Новгород. Спустя год на учредительном съезде партии СПС Чубайса избрали ее сопредседателем и членом федерального политсовета. Однако уже в это время было заметно, что аппаратные игры занимают Чубайса в последнюю очередь – его усилия были направлены в основном на то, чтобы партия не стала аморфным «клубом по интересам», к чему клонили его бывшие соратники по ДВР, а превратилась в организацию с жесткой дисциплиной. Это, по-видимому, было главной причиной, подтолкнувшей Чубайса к тому, чтобы в споре между «старыми демократами» и «новыми либералами» занять сторону последних. Тем не менее, когда расстановка сил в политсовете стала очевидно неблагоприятной для демократов, Чубайс заступился за некоторых старых членов ДВР, попросив съезд «не мочить» их. Тем не менее «новые либералы» – Борис Немцов, Ирина Хакамада, Борис Надеждин и другие – факти-

чески захватили основные командные посты в партии, оттеснив не только «старых демократов», но и часть людей из команды Кириенко (в частности, Любовь Глебову).

На протяжении всей истории СПС Чубайс пытался удержать партию в рамках модели «резервной партии власти», стремясь не допустить перехода ее в оппозицию. Однако давление «старых демократов», с одной стороны, и политические амбиции «новых либералов» – с другой, смещали корабль СПС с выверенного им курса. Отсюда – постоянные конфликты между Чубайсом и руководством СПС (наподобие скандала вокруг фразы «Российская армия возрождается в Чечне»), а также кажущиеся со стороны непоследовательными шаги правых в сложных ситуациях, таких как борьба вокруг НТВ. Первоначально несколько видных функционеров СПС (Сергей Юшенков, Борис Немцов, Ирина Хакамада) активно включились в кампанию по защите журналистов НТВ и приняли участие в организации первого митинга на Пушкинской площади. Однако затем два человека из команды Чубайса – Альфред Кох и Борис Йордан – возглавили операцию по установлению контроля «Газпрома» над мятежным НТВ, а сам Чубайс поддержал переход НТВ под контроль государственной корпорации, то есть, с точки зрения либералов, выступил против свободы слова. В этом случае Чубайсу при поддержке Егора Гайдара удалось убедить правых не идти на конфликт с властью из-за НТВ, и во втором, самом массовом митинге в защиту журналистов телекомпании в Останкино СПС участия уже не принимал.

Первое серьезное расхождение между Чубайсом как теневым лидером СПС и властью относится к со-

бытиям вокруг ареста Михаила Ходорковского в конце октября 2003 года. Чубайс резко осудил «ту часть Генпрокуратуры, которая дискредитирует Российское государство». Позже, выступая в эфире программы «Намедни», Чубайс заявил, что «с теми обвинениями, которые предъявлены Ходорковскому, арест несправедлив и неадекватен».

Однако довольно скоро оппозиционная линия СПС снова подверглась корректировке – и опять не без участия Чубайса. Через месяц, 25 ноября 2003 года, Чубайс заявил: *«Я воспринимаю приход на этот пост (руководителя администрации президента) Дмитрия Медведева как определенный сигнал – точнее, как один из сигналов, данных президентом в направлении того, что пересмотра курса нет»*.

На съезде СПС в январе 2004 года разгорелись жаркие споры о том, кого выдвигать кандидатом в президенты на мартовских выборах. Наиболее радикальная часть партии выступала за выдвижение кандидатуры Ирины Хакамады, однако большинство депутатов под влиянием мощного давления Чубайса ее не поддержали. В результате Чубайсу удалось провести компромиссное решение о свободном голосовании членов и сторонников СПС, что означало право поддерживать кандидатуру Путина.

В результате самому Чубайсу удалось сохранить хорошие отношения с главой государства, но СПС окончательно лишился того кредита доверия, который был выдан ему властью осенью 1999 года. В этом смысле критика, которой подвергся Чубайс на Валдайском форуме весной 2007 года, была вполне логичной и ожидаемой. К этому моменту между окончательно ушедшим в оппозицию СПС и оставшимся на по-

зициях государственника Чубайсом уже лежала идеологическая пропасть. Неудивительно, что СПС, уже давно находившийся не в лучшей форме, после того как Чубайс дистанцировался от него весной – летом 2007 года, фактически вошел в фазу агонии.

Глава 3

ПАДЕНИЕ

2002–2003

ГОДЫ

Закат правого дела

Хотя Владимир Путин, по мнению Сергея Переслегина, *«реализовал все то, что в программе правых имело общенациональное значение»*, конфронтация между правыми и Кремлем, первые признаки которой проявились еще зимой 2000 года, продолжала нарастать на протяжении всего первого президентского срока Путина.

Эта конфронтация далеко не всегда была обусловлена идеологическими расхождениями. По словам уже упоминавшегося Полякова, *«внутрилиберальная грызня вывела на первый план роль личных амбиций. После того как Кириенко, поняв, что он не является публичным политиком, что он скорее менеджер, ушел, и лидером партии стал Немцов, для него приоритетной задачей стала борьба и конкуренция с президентом, подчеркивая тем самым, что все остальное несерьезно. Позиция Немцова выглядела так, словно он существует как лидер партии только для*

того, чтобы в 2003–2004 годах быть кандидатом в президенты».

В конфронтации правых с властью можно выделить несколько ключевых этапов. Это конфликт вокруг НТВ, события на Дубровке и дело Михаила Ходорковского.

Окончательный переход оппозиционного Кремлю канала НТВ под контроль государства в значительной степени был осуществлен руками правых. Топ-менеджмент НТВ, входивший в команду опального олигарха Владимира Гусинского, был заменен людьми из команды Чубайса – Альфредом Кохом и Борисом Йорданом, а сама компания переведена под контроль нового собственника – «Газпром-Медиа». Правые устами своих лидеров пытались обосновать правомерность действий «Газпрома» (за которыми, естественно, угадывалась воля Кремля). Чубайс заявил, что *«Газпром» устанавливает свои права собственника – священные и неприкосновенные права». При этом, подчеркнул Чубайс, «Газпром» действует в рамках закона и «очень корректно»*, хотя, *«имея на руках решение суда, мог действовать гораздо жестче»*. По мнению Чубайса, *«Альфред Кох действует аккуратно, стремясь не ущемить достоинство людей и уникального коллектива НТВ»*. Чубайс также заявил о несогласии с теми журналистами НТВ, кто говорит якобы о попытке «Газпрома» захватить собственность. *«Есть решение суда, оно может нравиться или не нравиться, но это решение суда»*, – подчеркнул глава РАО ЕЭС.

Однако либеральная общественность восприняла позицию Чубайса (и СПС в целом) как «предатель-

ство». Правые все чаще стали подвергаться критике со стороны «старых демократов» и левых либералов «Яблока». Их прямо обвиняли в «пособничестве авторитарному режиму», зажимавшему свободу слова.

«Интеллектуалы услужливо разрабатывали концепции “управляемой демократии”, “административной вертикали”, “диктатуры закона”. Когда потребовалось заткнуть рот последнему оппозиционному коллективу на телевидении, либералы поручили “раздавить гадину” любимцу партии СПС Альфреду Коху», – писал один из неконформистов либерального лагеря¹.

Одновременно стала снижаться и электоральная поддержка правых. С ноября 2001 года СПС вошел в полосу электорального упадка: если в сентябре 2000 года СПС были готовы поддержать 11 процентов активных избирателей, то к январю 2002 года этот показатель снизился до 4 процентов. Случайно или нет, но это совпало с кадровыми перестановками в руководстве СПС: вместо ушедшего на телевидение Бориса Минца исполком партии возглавил человек Немцова рекламщик Эльдар Янбухтин, работавший в 1999 году на ОВР. По мнению многих ветеранов СПС, Янбухтин «умело пиарил себя, но не партию». Действительно, пиар-усилия Янбухтина были довольно оригинальными: так, он в частности придумал рассылать «солдатские письма» на бланке СПС. В этих письмах фиктивные солдаты уверяли «родных и близких» в том, что если правительство осуще-

¹ Пионтковский А. Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Чтобы не сесть. «Новая газета», 21 ноября 2003 года.

ствит реформу вооруженных сил, предложенную СПС, то «скоро армия другая будет».

Сергей Юшенков, в частности, заявлял в интервью «Газете», что во многом благодаря усилиям Янбухтина, который не нашел баланса между «старожилами» партии и новыми «эффективными менеджерами», СПС покинули старые проверенные кадры вроде него и Виктора Похмелкина (на самом деле уход Юшенкова не был связан с Янбухтиным и состоялся еще на учредительном съезде партии в мае 2001 года). Похмелкин и Рыбаков действительно покинули партию после декабрьского (2001 года) съезда партии, на котором были приняты очередные поправки в устав СПС.

В марте 2003 года Янбухтин перешел из СПС в «Единую Россию», подтвердив свою репутацию «технического менеджера», не связанного какими-либо идеологическими условностями. Новым председателем исполкома и главой избирательного штаба СПС стал «любимец партии» Альфред Кох. Заместителем Коха по избирательному штабу стала креативный директор СПС политтехнолог Марина Литвинович из Фонда эффективной политики.

Стать партийным деятелем Коха уговаривали Чубайс, Немцов, а также еще один бывший глава Госкомимущества Александр Казаков. Сам Кох, по информации журналистов, долго сопротивлялся переходу на «партийную работу», однако в конце концов все же ответил согласием. Его назначение было воспринято в партии по-разному: группа, ориентирующаяся на Чубайса, считала, что Кох – «бульдозер, который легко доходит до цели» – сумеет спасти СПС,

находящийся на грани серьезного кризиса. Борис Надеждин, в частности, заявил, что Кох *«во-первых... абсолютно отморозенный правый человек в хорошем смысле этого слова, он либерал до мозга костей. Во-вторых, он очень мощный человек в работе со СМИ. Наконец, он очень хорошо известен руководству СПС, я с ним лично беседовал»*¹.

«Старые демократы», оставшиеся в меньшинстве, не воспринимали Коха как своего после «разгрома НТВ». Команда Немцова относилась к ставленнику Чубайса настороженно. Политолог Дмитрий Орлов заявил, что назначение Коха – это «однозначно победа Чубайса» (в противостоянии с Немцовым). *«Он поставлен туда как финансовый, как организационный менеджер – в СПС необходимо нормально построить организационную структуру. А она сейчас в партии крайне раздроблена; не ясно, кто принимает решения и кто несет за них ответственность»*, – пояснил Орлов журналистам².

Действительно, приходу Коха предшествовала борьба в партии между «группировкой Чубайса» и «группой Немцова». Внешним проявлением этой борьбы стал уход из фракции депутатов, переходивших в «Единую Россию» главным образом из-за несогласия с курсом Бориса Немцова. В марте 2003 года члены креативного совета СПС во главе с Леонидом Гозманом выступили с письмом, в котором заявили о своем несогласии с политикой Немцова, на-

¹ «В СПС пришел “абсолютно отморозенный человек”». Газета.RU, 5 мая 2003 года.

² «Что, у меня денег, что ли, нет?» Газета.RU, 5 мая 2003 года.

званной ими «тоталитарной». В том же письме была высказана идея о необходимости возвращения Чубайсу большего контроля над партией.

Назначение Коха стало одной из последних попыток сохранить СПС, который усилиями Немцова и его сторонников все больше превращался в оппозиционную партию, в русле системной политики. По-видимому, к этому времени Чубайс окончательно разочаровался в Немцове, чей антипрезидентский курс ослаблял партию за счет сокращения административного ресурса и размывания электората, который состоял не только из либерального, но и из консервативного крыла. Орлов объяснял падение рейтинга, наблюдавшееся с осени 2001 года, именно уходом лояльных Кремлю избирателей.

Однако даже эффективный менеджер Кох не вывел СПС из кризиса. Отчасти это объяснялось тем, что приход Коха, в прошлом главы Госкомимущества и «палача НТВ», сделал партию чрезвычайно уязви-

i Наиболее болезненной была, как нам представляется, тема интервью, которое Кох дал американскому журналисту Бузукашвили в 1998 году. В нем, в частности, Кох излагал свои взгляды на будущее России: «Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех, кто умеет думать... изобретать. В последующем – превращение в десяток маленьких государств...» А на вопрос: «Прогнозируете ли приход в Россию инвестиций?» – со смехом отвечал: «Нет, потому что Россия никому не нужна! Не нужна Россия никому (смеется) – как вы не поймете?».

мой для критики. Коху тут же припомнили и грабительскую приватизацию, в частности обвинения во взятке в 5 миллионов долларов за содействие оли-

гарху Владимиру Потанину в приватизации «Норильского никеля», и дело «Монтес Аури», и русофобское интервью американской радиостанции, и «дело писателей», и многое, многое другое. Вероятно, потери в имидже должны были компенсироваться наведением порядка в финансовой и управленческой сфере, однако рейтинг партии продолжал оставаться довольно низким.

«Если назначение Коха противники СПС смогут удачно раскрутить, это только повредит партии, и его организационные успехи будут лишь компенсировать имиджевые потери СПС, – прогнозировал Дмитрий Орлов. – В любом случае партия будет балансировать на грани 5 процентов вплоть до выборов. О повторении успеха 1999 года не может быть и речи. Сейчас у нее неопределенный электорат и неясные перспективы»¹.

Впоследствии Чубайс продолжил усиление своей команды в СПС, уволив заместителя Коха и креативного директора СПС Марину Литвинович, считавшуюся человеком Немцова, и назначив на место заместителя Коха по избирательному штабу своего давнего соратника Андрея Трапезникова. Место креативного директора осталось вакантным, на деле его функции исполнял глава креативного совета СПС Леонид Гозман.

Наблюдатели полагали, что в партии повторяется ситуация 1999 года, когда Чубайс взял под свой контроль кампанию СПС, расставив на ключевые направления своих людей. Однако политическая ситуация

¹ Прогноз Орлова оказался даже чересчур оптимистичным.

в стране сильно отличалась от выборов 1999 года. Кремлю уже не нужны были союзники, претендующие на самостоятельность. Кроме того, Чубайсу так и не удалось убедить Немцова и его сторонников отказаться от оппозиционного курса.

Очередным испытанием для правых стал «Норд-Ост». Выступления Немцова, связанные с событиями на Дубровке, вызвали резкую реакцию Путина, подвергнувшего критике «отдельных политиков», делающих «пиар на крови».

СПС сформировал общественную комиссию по расследованию обстоятельств теракта в ДК на Дубровке во главе с депутатом ГД Эдуардом Воробьевым. После публикации выводов комиссии отношения между СПС и Кремлем стали еще более напряженными¹.

«Норд-Ост» вновь обострил внутривнутрипартийный конфликт в СПС. Резкие заявления Немцова и Хакамады вызвали негативную реакцию сторонников Кириенко, отошедшего от руководства партией, но продолжавшего контролировать «консервативное» крыло, связанное с «Новой силой» и региональными сетевыми организациями. Заместитель приволжского полпреда Любовь Глебова выступила с критикой федерального руководства СПС: *«Против кого мы стоим на баррикадах? Против действующей власти. Вместо того чтобы поддерживать ее реформатор-*

¹ Комиссия, в частности, пришла к выводу, что увеличение числа жертв среди заложников было вызвано халатностью должностных лиц, отвечавших за общую координацию действий по спасению людей после их освобождения, и сокрытием информации о применении спецсредств и возможных последствиях их применения.

ские усилия, мы с ней почему-то в основном боремся. По любому поводу. Неправильные действия совершили – комиссию скорее создавать, расследовать, кричать: нарушение прав человека!»

Критическая позиция Немцова и Хакамады не нашла понимания и у главного «государственника» в стане правых – Чубайса. Не делая громких заявлений, которые могли бы повредить единству партии, он четко дистанцировался от «пиара на крови». Впоследствии Чубайс выступил с критикой предвыборного заявления Хакамады по поводу «Норд-Оста», назвав его «фальшивым» и призвав СПС не оказывать ей поддержку на президентских выборах 2004 года.

Интересно, что в это же время представители партии «Яблоко» заявляли о том, что союз с СПС невозможен, поскольку у двух партий нет никаких точек соприкосновения. Однако в случае выхода Сергея Кириенко и его сторонников из состава СПС подобное объединение выглядело гораздо более реальным. *«Один из руководителей “Яблока”... заявил, что без Кириенко и Чубайса действительно можно создать единую демократическую партию, в которой “яблочники” согласны видеть не только Немцова и Хакамаду, но даже Похмелкина»¹.*

Тем не менее Чубайс тоже выступил с осторожной критикой Путина, хотя эта критика и не была связана с терактом на Дубровке. Глава РАО ЕЭС завуалированно обвинил президента в том, что тот стремится к пересмотру результатов приватизации,

¹ «Сподвижники Кириенко грозят Немцову развалить партию». «Независимая газета», 11 декабря 2002 года.

объяснив это «негативным влиянием» на Путина не кого иного, как Александра Солженицына.

Так, в интервью журналу «Коммерсантъ-Власть» Чубайс обвинил «старца-диссидента» в том, что он является идейным вдохновителем «наезда» Путина на олигархов. *«Позиция Солженицына сегодня полностью совпадает с позицией самой реакционной части спецслужб и КПРФ»*, – подчеркнул Чубайс. А на вопрос корреспондента, неужели «бедный Путин такой впечатлительный, что поддался его убеждениям», ответил вполне недвусмысленно: *«Я не знаю. Но мне так кажется»*¹.

Станислав Белковский расценивает это и последующие заявления Чубайса против Солженицына, «настраивающего» президента на отмену результатов приватизации, как часть продуманной игры главы РАО ЕЭС, имеющей целью сохранить либеральную идентичность СПС. *«Это заявление отражало не столько представления Чубайса о Путине, сколько стремление Чубайса консолидировать внутри СПС своих сторонников. Чубайс не мог переоценивать влияние на Путина Солженицына, прекрасно понимая, что Путин выражает интересы номенклатурного капитализма, для которого такие люди, как Волошин или Абрамович, гораздо важнее, чем Солженицын»*.

«Это был внутренний месседж для либералов в целом... Здесь надо отдать должное прозорливости Чубайса, который на протяжении этих восьми лет пытался создать виртуальный, абсолютно ложный конфликт с целью сохранить СПС в политике. Это было единственной его целью».

¹ «Коммерсантъ-Власть», 28 июля 2000 года.

Предупреждения Чубайса о возможной атаке на олигархов тем не менее оправдались осенью 2003 года. В октябре 2003 года был арестован Михаил Ходорковский. Правые отреагировали на это событие весьма болезненно. Лидер СПС Борис Немцов направил в Генпрокуратуру личное поручительство за главу ЮКОСа и ходатайство об изменении ему меры пресечения. Зампред фракции СПС в ГД Борис Надеждин в своей критике власти за «дело Ходорковского» пошел еще дальше: он заявил журналистам,

i В первые месяцы после ареста Ходорковского в либеральной среде была популярной версия о том, что глава ЮКОСа поплатился за заявления о финансовой поддержке СПС и «Яблока» на приближающихся парламентских выборах.

что арест Ходорковского является *«бессмысленным и незаконным»*. *«На самом деле это акция устрашения политической и бизнес-элиты в стиле ВЧК–НКВД–КГБ»*, – добавил Надеждин. Более того, на заседании экспертного «Открытого форума» он фактически поставил президенту ультиматум: *«Если он (Путин. – К. Б.) не повыгоняет этих чекистов с прокурорами – надо ставить задачу просто валить президента. Этим заниматься надо конкретно. Если эту задачу решать страшно – надо валить из страны. Доклад закончен»*. С точки зрения Кремля, это было равносильно открытому объявлению войны.

Даже всегда лояльный к Кремлю Чубайс осудил *«ту часть Генпрокуратуры, которая дискредитирует Российское государство»*. С этого момента СПС начинает проводить откровенно антипрезидентскую

политику в Госдуме. Так, 21 ноября 2003 года большинство депутатов СПС впервые проголосовало против бюджета на 2004 год.

Арест Ходорковского и последовавшая сразу же за ним отставка главы администрации президента Александра Волошина, считавшегося одним из главных союзников правых в Кремле, стали переломным моментом в отношениях либералов и власти. Выстраиваемая на протяжении первого срока президентского правления Путина «вертикаль власти» – а правые, как говорилось выше, играли в этом процессе немаловажную роль – обернулась усилением репрессивных функций государства, атакой на крупный бизнес и – в перспективе – возможностью пересмотра итогов приватизации. По мнению заведующего отделом политики журнала «Русский Newsweek» Михаила Фишмана: *«Следующим шагом – и это тоже следствие дела ЮКОСа – Путин отменил выборы губернаторов. В известном смысле не отменить их было уже невозможно».*

Отставка Волошина была воспринята правыми как драматическое свидетельство коренного изменения курса власти. *«Это плохо и это серьезно»,* – прокомментировал отставку главы АП Анатолий Чубайс в эфире радиостанции «Эхо Москвы».

Борис Немцов был еще категоричнее. *«Это крупная ошибка. Без диалога с обществом невозможно построить процветающую Россию, и поэтому Волошина можно понять, – заявил он. – Отказ власти от диалога с лидерами партий и представителями бизнеса – беспрецедентный случай».*

Для лидеров правых, особенно для Чубайса, отставка Волошина означала прежде всего потерю ресур-

сов. Во-первых, давал сбой механизм диалога с властью (в лице главы АП), во-вторых, многократно увеличивался риск избирательных проблем, с которыми СПС вплотную столкнулся через несколько месяцев.

Интересно отметить, что отставка Волошина, вызвавшая серьезную обеспокоенность лидеров СПС, была крайне сдержанно прокомментирована «Яблоком». Первый заместитель руководителя фракции «Яблоко» в Госдуме Сергей Иваненко назвал отставку «естественной» в свете несогласия с политикой правоохранительных структур в отношении ЮКОСа. Впрочем, учитывая прохладные отношения между Волошиным и Явлинским, в этом нет ничего удивительного.

Дело Ходорковского окончательно похоронило шансы СПС занять нишу «резервной партии власти». Начиная с думского кризиса зимой 2000 года позиции «государственников» в СПС постепенно ослабевали. Прямое влияние Чубайса на разношерстную коалицию правых обеспечивалось его возможностями реинтегрировать «старых демократов» во власть. После того как власть показала, что не нуждается в правоцентристской коалиции, этот ресурс Чубайса заметно ослаб. Идеологический центр партии стал смещаться к Леониду Гозману. Последний, будучи игроком команды Чубайса, тем не менее не разделял многих идей своего шефа. По оценке члена политсовета СПС Алексея Кара-Мурзы, *«Гозман нечувствителен к теме либерального патриотизма вообще. Возможно, нереализованность либерально-патриотического бренда в моем его толковании связана с его позицией»*.

Справедливости ради надо отметить, что в 2003 году Гозман усердно пропагандировал идею «либеральной империи», которую обычно связывают с именем Чубайса. Однако в его понимании «либеральная империя» должна была быть частью некоей глобальной структуры («образующейся единой мировой империи»), что в целом не противоречит либеральным представлениям о месте России в мире, то-

i Концепция «либеральной империи», разумеется, не изобретена Чубайсом – она существует с конца XIX века и была разработана в рамках английской политэкономической философии. Среди «отцов» современной российской концепции «либеральной империи» называют Дмитрия Драгунского и Дмитрия Орешкина. В защиту концепции выступала в 2003 году писательница Татьяна Толстая.

гда как Чубайс говорил все-таки о региональной сверхдержаве, реализующей свои интересы исключительно мирными (экономическими) средствами.

Так или иначе, но идея создания «либеральной империи» после событий октября 2003 года была вытеснена на периферию идеологического поля правых, оставшись личной инициативой главы РАО ЕЭС. После ареста Ходорковского любые разговоры об «империи» прочно ассоциировались в сознании правых с усилением роли спецслужб, репрессиями и так далее. *«Само слово “империя” было крайне неудачным, – считает Кара-Мурза. – Слова Чубайса раскачали имперский бренд, но в крупных городах сливки снял Rogozin, а совсем не СПС».*

Этот сюжет вызвал очередное обострение отношений СПС и «Яблока». Poleмика Чубайса и Явлин-

ского в программе «Основной инстинкт» о «либеральной империи» дала толчок дискуссии на страницах либеральной прессы, перешедшей границы допустимого. Опубликовав статью Татьяны Толстой «Пушкин и Минкин», «Новая газета» с горечью констатировала, что вынуждена закрыть *«на своих страницах всякую дискуссию между “Яблоком” и СПС. Потому что демократы или вместе бьются за место президента, или загрызают на его глазах друг друга, развлекая власти за утешительный приз. Доедят они себя сами. Мы (редакция. – К. Б.) в этом не участвуем»*¹.

В целом к концу 2003 года положение правых в российской политической системе серьезно ухудшилось. Парламентский кризис зимы 2000 года определил то место, которое готов был закрепить за правыми Кремль – это было положение «полупериферийных участников» проправительственной коалиции. Некоторое время правые оставались полезными федеральной власти, хотя им и не позволяли реально влиять на политический процесс. Их вклад был ограничен влиянием на экономическую политику и посредническими функциями во взаимоотношениях власти и либеральной оппозиции («дело НТВ»).

Однако действия правых, обусловленные как личными амбициями их лидеров, так и идеологической разнородностью их коалиции, привели к тому, что они оказались в оппозиции к федеральному центру. Идеологическое размежевание в стане правых привело к краху проекта 1999 года. Тогда избиратели голосовали не столько за либеральную партию,

¹ «Новая газета», 6 ноября 2003 года.

сколько за молодых динамичных политиков, ассоциировавшихся с будущим страны. Критика федеральных властей, ставшая лейтмотивом выступлений лидеров СПС с 2002 года, не могла рассматриваться в качестве позитивного проекта будущего.

8 сентября 2003 года съезд СПС утвердил списки кандидатов (общедофедеральный и по округам) в Государственную Думу четвертого созыва. В первую тройку вошли Борис Немцов, Ирина Хакамада, Анатолий Чубайс, московскую группу кандидатов возглавил Егор Гайдар.

На парламентских выборах 2003 года либералы потерпели сокрушительное поражение. СПС получил 3,97 процента голосов избирателей, «Яблоко» – 4,3 процента. Обе партии не прошли в Госдуму и оказались отброшенными на обочину политического процесса.

По мнению члена московского отделения СПС Леонида Полякова, *«СПС погубили три просчета: отказ от первичного позиционирования своей позиции как либерально-патриотической, отказ от поддержки президента Путина, что принесло ему успех в 1999 году, а также превращение партии в конкурирующую с “Яблоком” силу, попытка занять леволиберальную или даже социал-демократическую позицию, и конкуренция Немцова с Путиным, которая нарастала с 2001 по 2003 год».*

В обществе был востребован не только антиолигархический, но и патриотический дискурс, который не могли предложить избирателю правые. Не могли совершенно осознанно – идеи «либерального патриотизма» и «прагматического либерального консерва-

тизма», выразителями которых были Чубайс и Кириенко, не находили поддержки среди усилившихся внутри партии «старых демократов», опиравшихся на Немцова и Хакамаду.

По мнению политолога Алексея Макаркина, СПС, будучи идеологической партией, не мог поддержать идею «либеральной империи» без риска потери своей либеральной идентичности. *«Имперская, национально ориентированная тенденция была возможна – можно было провозгласить идею либеральной империи. Но ее надо было расшифровать. И тут встает выбор между двумя позициями. Одна позиция – за демократические реформы, свободы, европейскую ориентацию. Другая сводится, к сожалению, к тому, что в 1991 году Крючков с Янаевым проиграли и нет Сталина. Либерал внутренне не может быть со вторым. И сразу же идея либеральной империи ставится под сомнение, понятие расплывается на либеральную и имперскую составляющие».*

Отказавшись от идеи «либеральной империи», правые позиционировали себя как антипатриоты. Этим не преминул воспользоваться Дмитрий Рогозин, активно разыгрывавший карту антилиберальной риторики, направленной против СПС. «Родина», созданная первоначально для того, чтобы отнять максимум голосов у КПРФ, сыграла роль одного из могильщиков правых на выборах 2003 года.

2004–2005

ГОДЫ

На обочине

На выборах в Госдуму 7 декабря 2003 года по одномандатным округам прошли три члена СПС: Павел Крашенинников, Алексей Лихачев и Арсен Фадзаев. Все трое сразу после избрания вступили во фракцию «Единая Россия» (Крашенинников вышел из СПС и вступил в партию «Единая Россия» в 2005 году).

Стало очевидно, что прежние антикризисные меры не дали результата. 15 декабря 2003 года политсовет СПС рассмотрел вопрос об отставке сопредседателей и отложил его решение до съезда. Очередной съезд СПС, состоявшийся 24–25 января 2004 года, отправил в отставку Бориса Немцова, Ирину Хакамаду, Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Правда, все бывшие сопредседатели вошли в избранный съездом новый федеральный политсовет из 25 человек. Ответственным секретарем политсовета был вновь утвержден Виктор Некрутенко, ставший номинальным лидером партии (вторым номинальным лидером был исполнительный директор партии Олег Пермяков).

Серьезные кадровые изменения произошли несколько позже, когда политсовет избрал еще четырех секретарей: Леонида Гозмана, Бориса Надеждина, Ивана Старикова и Бориса Минца. Власть в партии перешла от сопредседателей к секретарям федерального политсовета. Тогда же из политсовета вышел Егор Гайдар. Немцов и его люди, находившиеся в жесткой оппозиции к президенту и «Единой России»,

были оттеснены на задний план. Уже на январском съезде Чубайс перешел в наступление на группировку Немцова – под его нажимом делегаты не поддержали кандидатуру Ирины Хакамады на президентских выборах 2004 года, высказавшись за свободное голосование членов и сторонников СПС.

Ирина Хакамада, набрав на выборах 4 процента голосов, заявила о своем выходе из рядов СПС и о создании новой партии «Свободная Россия», подчеркнув, что «Свободная Россия» и СПС будут сотрудничать и взаимодействовать.

Позже, осенью 2004 года, внеочередной политсовет СПС отверг радикальный вариант резолюции, осуждавшей решение президента Путина об отмене прямых выборов глав регионов. В целом после неудачи на выборах 2003 года правые начали вновь дрейфовать в сторону «либерально-державного» курса (в частности, продолжалось обсуждение идеи «либеральной империи»). Однако определенного выбора правые так и не сделали. По словам зампреда воронежского отделения СПС Александра Болдырева, «в 2003 году победила тактика Троцкого (ни мира, ни войны, армию распушить)». Сохранению этого двусмысленного курса способствовал и принцип коллективного руководства. О том, что партии нужен один лидер, говорили на каждом партийном мероприятии, но конкретные шаги не предпринимались почти полтора года. В качестве будущего лидера рассматривались фигуры Владимира Рыжкова, Михаила Касьянова и, по некоторым данным, Гарри Каспарова. Сложность заключалась в том, что единственным лидером СПС, по общему мнению, был

Анатолий Чубайс, однако он мог быть лишь неформальным руководителем. Лишь в конце мая 2005 года на заседании президиума федерального политсовета СПС было принято решение избрать председателем малоизвестного выходца из «Новой силы», 29-летнего главу пермской организации СПС, вице-губернатора области Никиту Белых. Одновременно федеральный политсовет предложил ввести в партии пост заместителя председателя политсовета и рекомендовал на эту должность бывшего главу креативного совета СПС Леонида Гозмана.

Это решение вызвало резкое неприятие со стороны секретаря президиума федерального политсовета СПС Ивана Старикова, который заявил, что главный вопрос съезда СПС – это отношение к действующей власти: *«Если правые на съезде изберут Гозмана и Белых, СПС станет карманной оппозицией в обмен на обещание власти “нарисовать” нам 7 процентов на парламентских выборах в 2007 году. Мы уже сейчас становимся неотличимы от “Единой России”»*.

Не в пользу кандидатуры Белых было и распрощанное среди ветеранов СПС убеждение, что молодой политик будет исполнять роль «свадебного генерала» при теновом лидере Гозмане или, как выражались партийные остроловы, «монгольского космонавта», который вернулся на Землю, жалуясь на то, что в космосе другие космонавты постоянно били его по рукам – к этому не прикасайся, туда не лезь и т. д. Сам Белых отреагировал на эти шутки довольно остро: выступая с речью перед голосованием по вопросу об избрании председателя федерального политсовета, он, в частности, заявил: *«Теперь о монголь-*

*ском космонавте. Желающих ударить меня по рукам прошу встать». Естественно, никто не поднялся. Однако претенденту на пост лидера пришлось доказывать серьезность своих намерений. В своем выступлении он наметил контуры «нового курса» СПС: «Если вы меня изберете, СПС никогда не будет партией Кремля, партией одной корпорации, партией одного человека. Мы против дела ЮКОСа, против политики власти по отношению к странам бывшего СССР, но мы никогда не выйдем на улицы с криком “Долой кровавый режим Путина!”... Я за объединение с “Яблоком”. Важно, чтобы переговорный процесс не превращался в процесс ради процесса. Мы должны пройти в парламент в 2007 году. Значит, есть *deadline*, после которого объединительные переговоры невозможны... Региональная политика должна быть превращена в политику регионов, консолидированность которой и будет представлять собой политику партии».*

В этой платформе было рациональное зерно. Единственным направлением, на котором СПС реально добился каких-то успехов в период с 2004 года, оставалась политическая борьба в регионах – там правым удалось провести в законодательные собрания 27 депутатов (14 – по партспискам, 13 – по округам), а также 17 депутатов местного самоуправления. К 2005 году у СПС было 84 региональных отделения, 105 депутатов законодательных собраний, 7 фракций и 3 депутатские группы в законодательных собраниях, 411 депутатов местного самоуправления. Делать акцент на региональную политику в условиях, когда партия оказалась вытеснена на обочину по-

литического процесса, представлялось единственно верным ходом. Кроме того, после поражения на выборах 2003 года стало очевидно, что без объединения двух либеральных партий правым не преодолеть пятипроцентного барьера.

Оппонент Белых Иван Стариков пытался доказать, что курс на сближение с «Яблоком» будет невозможно реализовать в случае избрания заместителем председателя политсовета Леонида Гозмана. *«У меня не стоит за спиной информационная война с “Яблоком” 2003 года, – заявлял он. – А у Леонида Гозмана стоит. Поэтому ко мне нет претензий ни у Григория Явлинского, ни у Владимира Рыжкова... Мы создадим новую партию и получим не 7 процентов, а 20–25. Мы идем вместе на выборы в Москве и получим 20 процентов».*

Кандидатуру Старикова поддержала московская организация СПС, лидер которой Сергей Жаворонков обвинил Гозмана в обслуживании «инфраструктуры Кремля». Сходным образом мотивировал поддержку Старикова еще один оппозиционер – Вадим Бондарь. *«Справа от “Единства” (Бондарь, видимо, по привычке называет так «Единую Россию». – К. Б.) должна быть ТОЛЬКО ОДНА партия. И она должна быть оппозиционной. Двух партий власти не бывает... Если мы не становимся в оппозицию – мы будем громоотводом для партии “Единство”. Если мы выберем Белых и Гозмана – мы оставим все по-старому. Я призываю голосовать за Старикова».*

Компромиссную позицию занял Немцов – он назвал Старикова «молодцом», Гозмана – «хранителем демократических традиций» и посетовал на то, что

«Никиту Белых не знает Россия». В отличие от Немцова Чубайс, появившийся на съезде под бурные аплодисменты собравшихся, однозначно высказался в поддержку Белых и Гозмана. *«Кто пытается разорвать связку Белых – Гозман, пытается разорвать нашу партию»*, – заявил он.

В итоге с большим отрывом председателем федерального политсовета и его заместителем были избраны Белых и Гозман (за них проголосовали 155 делегатов съезда из 205 принявших участие в голосовании). Однако, несмотря на предвыборные обещания Никиты Белых, объединения с «Яблоком» у правых не получилось. Строго говоря, это было невозможно в силу бескомпромиссной позиции «яблочников», которые не считали возможным объединяться с правыми, пока лидирующие позиции в СПС занимает Чубайс. Летом 2005 года против идеи объединения «Яблока» и СПС в одну партию резко выступил Григорий Явлинский¹.

Единственным успехом на этом направлении стали осенние выборы 2005 года в Мосгордуму. Поскольку с 2005 года политические блоки были запрещены, на конференции московского отделения СПС, традиционно поддерживавшего Ивана Старикова, было принято решение идти на выборы в Мосгордуму 4 декабря 2005 года вместе с «Яблоком» и под его брендом. Однако реализация этого решения натолкнулась на ряд серьезных препятствий. 24 сентября съезд

¹ «Они немного покапризничают-покапризничают (критикуя власть) и потом пойдут куда нужно. И куда бы власть ни развернулась, они всегда будут с ней», – заявил лидер «Яблока» 2 июня 2005 года.

СПС поддержал решение московского отделения, но предложил на первое место в избирательном списке Никиту Белых. Кандидатура Белых была неприемлема для «яблочников», считавших, что первое место должен занимать действующий депутат Мосгордумы, а не федеральный политик и лидер партии, который не сможет сосредоточиться на московских проблемах. На следующий день Белых и Явлинский согласовали компромиссную кандидатуру «первого номера» – им стал депутат Мосгордумы Иван Новицкий. Вторым номером шел «яблочник» Евгений Бунимович.

На сентябрьском съезде лишился своего поста Иван Стариков: его призывы к правым занять более критическую позицию по отношению к президенту Путину были расценены как резкое противопоставление линии партии. Пожертвовав Стариковым, который уже давно вызывал неудовольствие администрации президента, правые продемонстрировали свою лояльность Кремлю. Этот шаг был оценен по

i В 2007 году единственный депутат Мосгордумы от СПС Иван Новицкий был исключен из партии после того, как проголосовал за утверждение мэром Юрия Лужкова, после чего Новицкий ушел во фракцию ЕР.

достоинству: 4 декабря 2005 года на выборах в Мосгордуму список «Яблоко – объединенные демократы» набрал 11,11 процента, заняв третье место (после «Единой России» и КПРФ). В Мосгордуму прошли кандидат СПС Иван Новицкий и два «яблочника» – Сергей Митрохин и Евгений Бунимович.

По целому ряду причин правым не удалось развить этот успех, и на парламентских выборах

2007 года СПС и «Яблоко» вновь выступили не столько союзниками, сколько непримиримыми соперниками. В результате обе партии в очередной раз остались за бортом Государственной Думы, причем для СПС это стало приговором.

2006–2008 ГОДЫ Жизнь после смерти

Выборы в Мосгордуму стали последним электоральным успехом СПС. Весной 2006 года партия проиграла все три кампании, в которых участвовала, в том числе и в Нижегородской области, считавшейся «исконной вотчиной» правых¹.

Усилился и внутрипартийный раскол – ряд активистов СПС приняли участие в создании оппозиционного Российского народно-демократического союза (РНДС) Михаила Касьянова. Заместителем Касьянова стала вышедшая из СПС Ирина Хакамада. Молодежную организацию касьяновцев возглавила активистка молодежного СПС Юлия Малышева. Впоследствии несколько видных деятелей СПС, вошедших в состав РНДС (Иван Стариков, Николай Травкин и другие), вышли из партии.

Позиции Никиты Белых становились все более шаткими. Параллельно укреплял свои позиции Лео-

¹ Вплоть до этих выборов Законодательное собрание Нижегородской области возглавлял член СПС Евгений Люлин.

нид Гозман. Для улучшения своего имиджа в преддверии парламентских выборов 2007 года СПС прибегал к услугам эффективных, но не всегда добросовестных пиарщиков, например таких как Антон Бакков. Партию все чаще сотрясали скандалы, получавшие широкую огласку: один из таких скандалов спровоцировало письмо Марии Гайдар (дочери Егора Гайдара) к руководству СПС с обвинениями в использовании дела рядового Сычева для собственного пиара.

Кроме того, с весны 2007 года Кремль интенсифицировал контрпропагандистскую работу в отношении СПС. Контролируемые администрацией президента медиа объявили правым настоящую войну – к искреннему удивлению многих аналитиков, не понимавших, почему не имеющий реальных шансов на прохождение в Госдуму СПС вдруг стал для Кремля «врагом номер один».

Наиболее серьезный удар правым нанес президент Путин, фактически обвинивший Чубайса на встрече «Валдайского клуба» в том, что он финансирует оппозиционную партию за государственный счет. После этого РАО «ЕЭС России» прекратило финансирование СПС, что в преддверии выборов не могло не сказаться на положении партии самым драматическим образом.

Одновременно Кремль санкционировал создание так называемой партии-спойлера – «Гражданской силы», возглавляемой адвокатом Михаилом Барщевским. Главной задачей ГС на предвыборный период было оттянуть голоса правого электората у СПС.

Все эти меры вкупе с глубоким внутренним кризисом, который СПС так и не удалось преодолеть, привели к закономерному результату. На парламентских выборах 2007 года СПС получил всего 0,96 процента голосов избирателей.

С определенной долей вероятности можно предположить, что «правый проект» был признан в Кремле полностью неудавшимся и формирование правой партии решено было начать с чистого листа.

В 2008 году по инициативе и при активной поддержке администрации президента началась работа по созданию новой правой партии. Ее предполагалось создать из представителей СПС, «Гражданской силы» и Демократической партии России. Предполагается, что в новой объединенной правой партии будет три сопредседателя – по одному от СПС, «Гражданской силы» и ДПР. По словам Леонида Гозмана, делегированного СПС в оргкомитет по созданию новой правой партии, «остальное также будет на паритетных началах», и если проект окажется удачным, то уже скоро «все забудут, кто откуда». Во главе новой партии должны встать Леонид Гозман (СПС), Георгий Бовт (ДПР) и Борис Титов («Деловая Россия», представляющая интересы ГС). Партия задумывалась как правоцентристская и полностью лояльная Кремлю.

Создание новой партии вызвало очередной раскол в СПС. В конце сентября 2008 года партию покинул ее лидер Никита Белых, заявивший, что не хочет участвовать в «кремлевском проекте» по созданию управляемой правой партии. В своем «Живом журнале» он написал, что не видит себя в проекте Крем-

ля, не верит в демократическую модернизацию страны сверху и не считает, что государство должно управлять партиями. Однако из всех возможных для СПС вариантов он видит только один – договариваться с Кремлем и участвовать в создании нужной Кремлю «правильной» либеральной партии. *«Если члены партии хотят заниматься политической деятельностью, оставаться депутатами на региональном и муниципальном уровнях и приносить какую-то пользу обществу в этом качестве, надо участвовать в кремлевском проекте. Скорее всего это единственно возможный вариант для партии сегодня, единственный шанс. И я считаю, что если шанс есть – хотя бы один из тысячи, – его надо использовать. Только я себя в этом проекте не вижу»*¹.

Белых поддержал и Борис Немцов, в феврале 2008 года приостановивший свое членство в СПС. И. о. председателя партии стал Леонид Гозман.

2 октября 2008 года политсовет СПС 24 голосами «за» при одном «против» и одном воздержавшемся принял решение о самороспуске СПС и создании на его базе новой политической партии. Решения о слиянии были приняты и политсоветами партий – партнеров СПС.

Часть оппозиционно настроенных активистов СПС высказались за объединение с наиболее радикальными представителями других либеральных движений в новую организацию под названием «Солидарность». Среди первых лиц «Солидарности» фигурируют Борис Немцов (бывший член СПС),

¹ Цитируется по: <http://belyh.livejournal.com/256478.html#cutid1>

Гарри Каспаров (ОГФ), Илья Яшин (молодежное «Яблоко»), Максим Резник (глава Санкт-Петербургского отделения «Яблока») и другие. В настоящее время идет работа над новой либеральной программой «300 шагов к свободе», готовятся региональные конференции. Новое оппозиционное движение ставит своей главной задачей защиту неизменности Конституции России. Оппозиционеры, в частности, были не согласны с Дмитрием Медведевым, предложившим поправить Основной Закон, чтобы увеличить срок полномочий главы государства и Госдумы.

СПС официально прекратил свое существование 15 ноября 2008 года. Это произошло в поселке Свиштуха Химкинского района, где в гостиничном комплексе «Олимпиец» состоялся последний съезд партии. В работе съезда приняли участие 109 делегатов. Единственным вопросом, который должен был рассмотреть съезд, было «принятие решения о ликвидации партии и ее региональных отделений».

Против самороспуска СПС активно выступали московская парторганизация, возглавляемая Владленом Максимовым, а также члены ФПС Мария Гайдар и Валерий Бакунин. Однако «несогласные» составляли явное меньшинство делегатов съезда. Сил московской парторганизации хватило лишь на то, чтобы организовать немногочисленный пикет, призывавший делегатов не голосовать за ликвидацию партии.

С программной речью на съезде выступил Леонид Гозман. *«Год назад мы надеялись на победу, – напомнил он присутствовавшим. – Год назад многие из здесь сидящих надеялись стать депутатами Госу-*

дарственной Думы... Но выяснилось, что СПС – партия шпионов и врагов Отечества».

Пожаловавшись на то, что власть руками «товарища Чурова» «нарисовала» СПС 0,96 процента на парламентских выборах, Гозман тем не менее подчеркнул, что попытки «пойти на лобовое столкновение с властью» были ошибочными. *«Не следует забывать, что СПС возник не как партия диссидентов, а как партия парламентская и победил на выборах 1999 года с лозунгом “Путина в президенты, Кириенко в Думу!”».* Гозман повторил соображения Никиты Белых о трех вариантах выбора: ждать гибели и гордо уйти на дно, объединиться с «Солидарностью» и принять условия власти. По мнению Гозмана, героического самоубийства «никто не заметит, даже Интернет», от звука труб, «возвещающих об объединении Каспарова, Илларионова и Ильи Яшина», стены Кремля не рухнут, таким образом, единственным реальным шансом остается участие в кремлевском проекте. Между тем сильная либеральная партия сейчас особенно необходима России, потому что в условиях кризиса существует опасность «социалистического или даже национал-социалистического» переворота. Гарантий, по мнению Гозмана, либералам никто дать не может даже в случае вступления в кремлевский проект, но шанс все-таки есть, «и лучше жалеть о неудаче, чем о собственной трусости».

Если речь Гозмана показалась многим похожей на некролог, то выступление приглашенного на съезд телеведущего Николая Сванидзе было выдержано совсем в другом ключе. Возражая Гозману, Сванидзе заявил, что в действительности никакого выбора у

СПС нет: никакой независимой праволиберальной партии, пользующейся влиянием на российском политическом пространстве, быть не может по определению. Такой партии не удастся *«даже помереть красиво и в живописной позе: будет постыдное беззубое бомжевание на помойке в компании таких же опустившихся неудачников, значительно более дурно пахнущих, чем нынешняя власть»*, как образно заметил Сванидзе. Телеведущий неожиданно согласился с тем, что главную опасность сейчас представляют «пассионарные оголтелые национал-социалистические ребята», которые могут прийти к власти, если нынешний режим рухнет из-за кризиса. Поэтому системная либеральная оппозиция стране нужна, но возможна она лишь при условии подписания контракта с Кремлем.

О возможности «националистического бунта» или «левого реванша» говорили многие выступавшие на съезде. Едва ли не единственным серьезным политиком, считающим «левый поворот» маловероятным, стал Анатолий Чубайс. Глава «РоснаноТех», напротив, считает, что в условиях кризиса появится запрос на правых, которые могут зарабатывать деньги для государства, корпорации, семьи и т. д. Сам Чубайс поддержал создание новой партии («Правого дела»), хотя заявил, что входить в нее не собирается (возможно, он вступит в высший совет партии, который предполагается сформировать из беспартийных, но авторитетных деятелей политики, культуры, бизнеса и т. д.).

Позицию противников самороспуска на съезде озвучила Мария Гайдар. Она заявила, что ликвидация СПС является предательством по отношению к

избирателям СПС, которых в стране, по официальным данным, 600 тысяч. Самороспуск СПС, по мнению Гайдар, будет означать уничтожение последней независимой партии в стране; согласиться на самороспуск означает одобрить арест Ходорковского, отмену выборности губернаторов и т. д. Как член Мандатной комиссии, Мария Гайдар изучала протоколы региональных конференций и сомневается в подлинности многих из них. С ее точки зрения, съезд в техническом отношении является не съездом, а собранием и решения принимать неправомерны.

i После съезда Мария Гайдар подала в Таганский районный суд Москвы иск об отмене решения съезда СПС о самороспуске партии. Оснований для иска три: нарушения в ходе региональных конференций, нарушения во время самого съезда (двойное голосование), вмешательство чиновников администрации президента в вопрос о ликвидации СПС. Аналогичный иск в тот же суд подало московское отделение СПС.

Косвенно поддержал Марию Гайдар и Борис Немцов, забравший обратно заявление о приостановке своего членства в СПС. Немцов сравнил взаимоотношения партий с Кремлем с отношениями животных в биоценозе. *«Это союз волка и овцы, точнее волка и барана, – заявил он. – Союз может существовать, пока волк сытый»*. Но как только волк оголодает, например когда цены на нефть упадут, *«волк этого барана, конечно, съест. Барцевский и Богданов, может быть, и бляели, когда их ели...»*¹. Чтобы избе-

¹ «СПС не захотел умирать голодной смертью. И умер сытой». <http://scilla.ru/content/view/3013/2/>

жать подобного исхода, Немцов заверил делегатов, что если они примут решение не распускать партию, то он готов взять на себя ответственность за ее судьбу, в том числе и за ее финансирование.

Однако инициатива Немцова не спасла партию. После споров о том, каким должно быть голосование – открытым или тайным – была объявлена перерегистрация делегатов съезда. В конечном итоге при поименном голосовании за самороспуск СПС проголосовали 97 делегатов. Против было подано 9 голосов, включая Марию Гайдар и Бориса Немцова. Воздержались двое – депутат от Воронежской области Юрий Бездетко и член ФПС Алексей Кара-Мурза.

Надгробным словом самоликвидировавшегося СПС стало заявление съезда, принятое уже после формального роспуска партии. В заявлении говорилось:

«России необходима эффективная правая партия, способная побеждать на выборах.

Такая партия нужна, поскольку антидемократические тенденции в России сохраняются и даже усиливаются. Слова о приверженности демократическим ценностям и принципам рыночной экономики не подтверждаются конкретными делами. В условиях кризиса обостряется опасность социалистического или даже национал-социалистического поворота.

Такая партия возможна, поскольку десятки миллионов граждан России разделяют ценности свободы, демократии, либеральной экономики, правового государства.

Партия “Союз Правых Сил” в ее нынешнем виде не может выполнять главные задачи политической партии – проводить своих кандидатов в органы государ-

ственной власти, оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику России.

Можно спорить, в чем причина – в наших ли собственных ошибках, либо в давлении власти на “Союз Правых Сил”, но возможности сохранения партии в нынешнем виде исчерпаны.

Именно поэтому мы приняли решение прекратить деятельность “Союза Правых Сил” в нынешнем виде и создать общественное движение “Союз Правых Сил”.

Именно поэтому мы решили участвовать в создании новой правой партии, партии “Правое Дело”.

Мы не уходим, мы продолжаем борьбу. Наше дело правое!»

«Правое дело» и «Солидарность»: игры либералов

Название новой партии еще при жизни СПС было предметом ожесточенных дискуссий: СПС выступал ярким противником того, чтобы в названии присутствовало слово «демократия», опасаясь аналогии с Демпартией, а «Гражданская сила» и ДПР, в свою очередь, были против слова «правые». В конечном итоге представители СПС победили, хотя новую партию вряд ли можно считать реинкарнацией одноименной коалиции 1999 года. Впрочем, как отмечали журналисты, согласовать название партии оказалось проще, чем руководящие посты. Леонид Гозман выступил категорическим противником попыток председателя Демпартии Андрея Богданова занять пост руководителя московского отделения новой партии,

пригрозив отказом от объединения. Богданов заявил, что готов пожертвовать своей кандидатурой ради объединения, но назвал при этом противников своего назначения «непонятными политиками», грязными и беспринципными.

Гозман сразу же занял жесткую позицию по отношению к «партиям-сателлитам», отказав их лидерам в участии в проекте и подчеркнув принципиальную разницу между СПС и другими участниками нового «Правого дела». *«Вы знаете, вот это нам более-менее все равно, как Кремль поступит с этими своими образованиями, если не сказать жестче, – заявил Гозман в эфире «Радио Свобода». – Их не существует. Понимаете, не может быть партии инопланетян, потому что нет инопланетян. Нет “Гражданской силы”, нет Демократической партии, просто не существует таких структур. Они существуют в Минюсте, они существуют, возможно, в каких-нибудь ведомствах, где им деньги платят, это возможно. Но в реальной жизни их не существует. В реальной жизни есть Барцевский, который назвал себя “Гражданской силой”, и есть Богданов, который назвал себя Демократической партией. Я могу с полной уверенностью сказать, что ни Барцевского, ни Богданова не будет в этом проекте. Это было наше первое и необходимое условие. И оно выполнено».*

В том же интервью Гозман объяснил свое согласие участвовать в «кремлевском проекте» следующим образом: *«Если мы хотим, чтобы в легальном политическом поле была представлена либеральная идеология, если мы хотим, чтобы люди, избранные и*

избиравшиеся по спискам “Союза Правых Сил” или под брендом “Союза Правых Сил” в региональные парламенты, могли продолжать свою политическую деятельность, то, к сожалению, в современной России другого пути нет. В современной России не может существовать оппозиционная политическая партия, если она не согласовала факт своего существования с Кремлем»¹.

i Отметим, что после слияния трех партий тон Гозмана существенно изменился. «Отныне мы в одной лодке, отныне успех может быть только общим – мы либо проиграем все вместе, либо все вместе выиграем, но давайте постараемся пройти этот период без взаимных нападок и обид», – заявил он на учредительном съезде «Правого дела».

В основу устава «Правого дела» лег устав СПС, разрешающий членам партии свободно высказываться, даже если их мнение идет вразрез с общим партийным решением. Правда, позволено это лишь при условии, что и на стадии дискуссии член партии высказывался по обсуждаемому вопросу негативно.

Права всех участников организации будут строго охраняться: для принятия ключевых решений потребуется не менее трех четвертей голосов. Однако полномочия сопредседателей будут несколько ограничены.

Программа «Правого дела», по информации газеты «Ведомости», разрабатывалась на основе положений программы Егора Гайдара, СПС и «Гражданской силы», а также базовых документов «Деловой Рос-

¹ Интервью Леонида Гозмана. «Радио Свобода», 30 сентября 2008 года.

сии». Всего у программы около десяти авторов. К работе привлекались эксперты по социальной политике, трудовым отношениям. «Правое дело» провозглашает лозунг *«Свобода, собственность, порядок»*, называет себя партией ответственных, инициативных людей, партией среднего класса и людей дела («бизнеса» в первоначальном варианте), предпринимателей и менеджеров большинства современного российского бизнеса. В преамбуле упоминается о сложном историческом пути, о сталинском коммунистическом режиме и неудачах переходного периода, когда понятия «капитализм», «демократия» и «рыночные отношения» были дискредитированы в глазах миллионов россиян. Один из авторов программы – Борис Титов – заявил журналистам, что в программе осталось мягкое отношение к 1990-м годам, хотя он хотел, чтобы оно было более определенным.

Авторы программы отмечают, что капитализм в России по-прежнему остается капитализмом меньшинства, и предлагают модель «капитализма для всех», когда состоятельные люди обеспечивают высокий потребительский и промышленный спрос, ведущий к развитию национального производства и в итоге к сильной экономике. По словам Титова, «капитализм для всех» основан на высоком потребительском спросе, что кардинально отличается от экономик Индии и Китая: эти страны строили неэффективную догоняющую модель капитализма и конкурировали на внешнем рынке за счет низких издержек и зарплаты.

Партия собирается защищать национальный бизнес, добиваться снижения налогов, проведения ре-

альной налоговой амнистии, ухода государства из тех отраслей, где его участие не является обязательным. «Правое дело» выступает за сокращение надзорных функций госаппарата, повышение ответственности чиновников и правоохранительных органов, собирается бороться за восстановление прямой выборности губернаторов, снижение барьера на выборах в Госдуму до 3 процентов. Но, как говорит партиец, в свете послания президента Медведева эту цифру могут повысить до 5 процентов. «Правое дело» выступает за европейский путь развития, видит Россию гарантом демократии на окружающем геополитическом пространстве и не хочет политической изоляции¹.

Учредительный съезд «Правого дела» прошел в Москве на следующий день после самороспуска СПС. В учредительном съезде партии «Правое дело» приняли участие 279 делегатов из 79 субъектов РФ. Съезд принял устав новой партии и утвердил состав руководящих органов. В состав федерального политсовета вошли 33 человека, включая трех сопредседателей – Леонида Гозмана, Георгия Бовта и Бориса Титова.

Именно отсутствие в руководстве партии «тяжеловесов», подобных Чубайсу, вызвало скептическую реакцию некоторых экспертов. Так, по мнению главного редактора «Независимой газеты» Константина Ремчукова, *«на сегодняшний день... нет никаких доку-*

¹ Любопытно, что Гозман, выступая перед съездом СПС 15 ноября, сказал о программе «Правого дела» буквально следующее: «главное не то, чтобы она была хорошей, а чтобы она не была плохой».

ментальных свидетельств наличия у Титова, Бовта и Гозмана идей нужного качества... на сегодня им предложить правому электорату нечего. Нечего предложить и власти»¹.

Борис Титов – адепт «нового курса» Рузвельта, продвигающий идеи «суверенной экономики», по словам Ремчукова, *«более консервативные, чем экономическая политика Путина»*. Поддержка правительством терпящих бедствие в результате кризиса корпораций с некоторыми оговорками может быть интерпретирована в духе «нового курса» в его российском изводе – но и тогда она находится в русле праволиберальной идеологии «Единой России», а не рыночного фундаментализма СПС. Позиции Георгия Бовта Ремчуков оценивает еще более скептически: *«Бовт – человек интеллигентно-либеральных взглядов, умеренный государственный, уже публично похваливший адекватность мер правительства в условиях кризиса ликвидности. Я не слышал такого одобрения ни от одного бизнесмена – ни мелкого, ни среднего, ни крупного. Тогда чьи интересы он выражает по ходу самого серьезного экономического испытания последнего десятилетия? Кому он продаст свою позицию в ходе политической борьбы? Пока не очевидно»²*. Что же касается Гозмана, то, по распространенному мнению, он не продуцирует собственных идей, сосредотачиваясь на продвижении полученных «сверху» – главным образом от Чубайса.

Если «Правое дело» испытывает определенный дефицит ярких лидеров, то у их оппонентов – движения

¹ «Независимая газета», 7 октября 2008 года.

² Там же.

«Солидарность» – проблемы противоположного рода. Лидеры-индивидуалисты «Солидарности» с самого начала споткнулись о болезненный вопрос распределения командных должностей в партии. Еще до официального самороспуска СПС в прессе появлялись сообщения о том, что активисты, перешедшие в «Солидарность» из СПС, недовольны попытками Гарри Каспарова и ОГФ «подмять под себя» новое движение и могут выйти из коалиции. В частности, бывший лидер СПС Никита Белых высказывал опасения в связи с «византийскими разводками» лидера ОГФ. Надо отметить, что после выхода из СПС Белых еще был полон энтузиазма в отношении возможного создания объединенного демократического фронта. *«Хоронить меня рано, – писал Белых в своем «Живом журнале» 29 сентября 2008 года. – Я не умер даже в фигуральном смысле, в том числе и политически. И не собираюсь.*

Не готов сейчас сказать, чем буду заниматься в ближайшее время. Возможно, всерьез вернусь в бизнес, который “подзапустил” за три года, но который при этом кормил СПС, в том числе во время парламентских выборов, а сейчас переживает не лучшие времена, как и вся экономика. Возможно, более плотно займусь молодежными проектами вместе с Анатолием Ермолиным. Скорее всего буду активно заниматься созданием объединенного демократического движения. Буду продолжать работать депутатом Законодательного собрания Пермского края. Но вот чего я не буду делать точно, так это уходить из политической жизни нашей страны. Не дождутся»¹.

¹ Цитируется по: <http://belyh.livejournal.com/257023.html>

Однако энтузиазм Белых в отношении «объединенного демократического движения» натолкнулся на амбиции лидера ОГФ Гарри Каспарова. В середине октября Белых распространил среди своих соратников открытое письмо, в котором заявил, что оценивает ситуацию с объединительным процессом демократов «как критическую и по-нехорошему тревожную» и готов покинуть «Солидарность» в знак несогласия с политикой Каспарова.

Белых писал, что попытки создать вместо демократической коалиции «структуру формата ОГФ+» губительны для проекта, так как будут «символизировать вождистские амбиции отдельных, пусть и очень заслуженных, деятелей». В интервью газете «Коммерсантъ» Белых заявил: *«Конечно, я могу все свои силы бросить на то, чтобы многократный чемпион мира набрал голосов меньше, чем никому не известный региональный правозащитник, и подать это как урок...»*. Однако, по убеждению господина Белых, борьба между лидерами может оказаться «последней для еще не родившейся “Солидарности”»¹.

В итоге Белых действительно покинул ряды «Солидарности», но не из-за конфликта с Каспаровым, а из-за того, что президент Дмитрий Медведев предложил его кандидатуру на пост губернатора Кировской области. Либералы восприняли предложение президента неоднозначно. В редакционной статье «Газеты.RU», в частности, было высказано предположение, что *«если с практической точки зрения (то есть по сути события) все это (назначение Белых губер-*

¹ «Коммерсантъ», 5 ноября 2008 года.

натором. – К. Б.) не более чем суэта вокруг дивана, с точки зрения идеалиста-романтика, это жирная и, возможно, окончательная точка в истории современного российского либерализма».

Сам Белых заявил, что на посту губернатора будет заниматься решением управленческих, а не политических задач. *«Речь идет о работе не политической. Речь идет о конкретном регионе, который находится в тяжелой ситуации, в том числе в связи с мировым кризисом, который коснулся и России»*, – отметил Белых. Политик добавил, что «не меняет своих идеологических убеждений», которые, по его словам, «во многом соответствуют тому, что декларирует руководство страны».

Возвращение во власть одного из лидеров либеральной оппозиции Никиты Белых (который в свое время работал вице-губернатором Пермской области) изящно закольцовывает сюжет взаимоотношений Кремля с СПС, начавшийся в 1999 году с того, что во главе объединенной либеральной коалиции встал бывший премьер-министр России Сергей Кириенко.

Уроки побед и поражений

История второго пришествия либералов во власть (если считать первым правительство Гайдара – Чубайса 1992 года) четко делится на два периода: с 1999 по 2003 год, когда правые выступали союзниками Владимира Путина, и с 2004-го по настоящее время, когда они в основном находились в оппозиции федеральной власти.

Главный секрет победы правых в 1999 году заключался в том, что они сумели позиционировать себя в качестве союзников Путина, долгожданной «новой силы». Преодолев на время противоречия между участниками правой коалиции и выдвинув на первый план команду молодых политиков, не ассоциировавшихся у избирателя с демократами первой волны, они значительно расширили свою электоральную базу. Однако закрепить успех не сумели.

Проблема заключалась в том, что правые оказались не готовы к той роли, которую получили в результате переформатирования политического поля в 2000–2001 годах. Они хотели быть равноправными партнерами власти, в то время как власть рассматривала их как младших союзников. А с этим статусом правые, которые претендовали на роль интеллектуального резерва власти и видели себя своего рода духовными наставниками власти, разрабатывающими для нее стратегические концепции будущего, согласиться не могли.

Парадоксальным образом в самой политической победе правых в 1999 году были заложены факторы, предопределившие их поражение четыре года спустя. Пока речь шла об аморфном объединении различных движений с разнородной идеологией, у правых сохранялись определенная свобода маневра и широкое поле возможностей для влияния на ситуацию. Экспертно-интеллектуальное сообщество, рассеянное по различным центрам, институтам и ассоциациям, не могло напрямую вмешиваться в политический процесс, однако создавало ту атмосферу, в которой он происходил. Став политической партией,

правые приобрели определенную возможность участвовать в процессе принятия решений, но при этом сами загнали себя в жесткие рамки, предусматривающие всего лишь два варианта развития событий. Как политическая партия СПС мог либо стать вассалом власти, либо перейти к ней в оппозицию. Правые выбрали второй вариант, и потеряли свой главный ресурс, обеспечивший им электоральный успех в 1999 году. В 2003 году это стоило им не только места в парламенте, но и статуса системной политической силы.

После провала 2003 года правые (прежде всего их лидеры – Чубайс, Гайдар и т. д.) утратили статус безальтернативных модераторов либеральной среды, который был закреплен за ними с начала 90-х годов. Стало ясно, что сама среда за эти годы изменилась драматическим образом – часть ее была ориентирована на тесное сотрудничество с властью, и для них гораздо более авторитетным модератором стал Путин (что проявилось, в частности, в «деле НТВ»). Другая часть либеральной среды, напротив, ушла в непримиримую оппозицию к власти, став питательным бульоном для разного рода «несогласных» – эти люди также не признавали авторитета правых, которые, по их мнению, запятнали себя сотрудничеством с Кремлем. Для либеральной картины мира этот раскол имел поистине трагические последствия. Ранее считалось, что социокультурный фактор (родство, близость, сходство) играет большую роль, чем фактор идеологический, – именно это позволило правым в 1999 году сформировать достаточно широкую коалицию. Не имело принципиального значения место работы ли-

берала – он мог сотрудничать даже с коммунистами, при этом всегда оставаясь «своим» для «своих». После испытаний, выпавших на долю российских либералов в 1999–2003 годах, идентичность среды перестала быть определяющим фактором. На первый план вышел критерий отношения к власти.

В то же время говорить о глобальном провале либерального проекта в 2003 году было бы некорректно. Провалилась прежде всего попытка «старых демократов» вернуться во власть, используя ценности начала 1990-х годов – права человека, свободную конкуренцию, не регулируемый государством рынок, ориентацию на Запад. Тот проект, который возник в конце 1999 года в рамках коалиции «Правое дело», просто перешел в другие руки – в частности в руки «Единой России». Не случайно, по словам Сергея Переслегина, *«если бы правых привлекли к работе в этой самой вертикали власти, они были бы крайне счастливы. И там, где их привлекли, они и стали основой “Единой России”. Там, где их не привлекли, они стали критиками вертикали»*. Многие активисты СПС, особенно пришедшие в его региональные организации по квотам «Новой силы» и через программу «Кадровый резерв», перешли в ряды «Единой России», не изменив при этом своим идеологическим убеждениям. Что же касается влияния правых на экономическую политику, то оно в основном сохранилось, поскольку в большей степени было связано с экспертными центрами, нежели с партийными структурами.

Таким образом, главный урок последнего либерального реванша можно сформулировать так: пре-

имущество российских правых перед другими политическими силами заключается в том, что они в состоянии формировать идеологический фон, на котором действует власть. Однако образование партийных структур, к которому логически подводит правых их усиливающееся влияние на власть, неизбежно заставляет их занять нишу оппозиции. Это, в свою очередь, вызывает ответную реакцию власти, которая перестает оказывать правым столь необходимую им поддержку в период выборов. А сам по себе либеральный дискурс не настолько популярен в России, чтобы правые могли рассчитывать на электоральный успех.

Один из главных уроков СПС состоит в том, что либералы в России отчаянно нуждаются в поддержке со стороны власти. Даже в тех случаях, когда они позиционируют себя как непримиримые противники власти, без нее они выжить не в состоянии. Однако сама по себе поддержка власти еще не гарантирует правым выживания. Вторая и третья составляющие «Правого дела» – «Гражданская сила» и Демпартия, несмотря на оказанную им Кремлем административную поддержку, просто не сумели завоевать доверие избирателей. Можно вспомнить, что в недавнем прошлом на отечественных политических пажах паслись такие образования, как «Новые правые» Александра Шмелева. Где они теперь? Не приходится сомневаться, что такая же безвестность ожидала бы и ГС с ДПР, если бы не брошенный им властью спасательный круг в виде объединения с СПС.

Гораздо сложнее понять, зачем Кремлю в принципе понадобились правые. В недрах могущественной

сверхпартии «Единая Россия» при желании можно отыскать и левых, и правых, и центристов, и, наверное, даже либертарианцев. Уже давно (по крайней мере с 2004 года) в «Единой России» шли дискуссии о необходимости разделения на левую и правую платформы. Прорабатывалась и идея «принудительного раскола» на три партии (сейчас, в условиях экономического кризиса и необходимости политической консолидации, от этой идеи, по-видимому, окончательно отказались). Однако в итоге был сохранен статус-кво – внутрипартийные клубы (условно – левый, правый и национал-патриотический) канализировали соответствующие идеологические тенденции в рамках одной сверхпартии.

Правое крыло ЕР, идеологическим центром которого является «Клуб 4 ноября», придерживается либерально-консервативных взглядов. Учитывая огромный административный ресурс «Единой России», кажется весьма странным, что малые и маргинальные правые партии до сих пор не были поглощены этим гигантом, подобно тому как мелкие космические тела притягиваются гравитационным полем больших планет. На самом деле процесс миграции правых, например, из СПС в ЕР наблюдался еще с 2000 года – однако никогда не угрожал самому существованию партии. Всегда был некий барьер, делавший невозможным слияние ядра правого фланга российской политики (наиболее типичным представителем которого является СПС) с правым крылом «партии власти».

Это тем более странно, что идеологические расхождения лидеров СПС и активистов правого кры-

ла ЕР, хотя и существуют, не выглядят непреодолимыми. По мнению политолога Станислава Белковского, *«идеологически они не отличаются ничем. Это люди одних и тех же взглядов, одного и того же круга. Если взять Владислава Резника или Виктора Плещачевского как классических представителей правого крыла “Единой России”, то невозможно найти ни одного отличия между ними и, скажем, Анатолием Чубайсом – ни по идеологии, ни по карьере, ни по бэкграунду по большому счету. Все они – основные выгодоприобретатели постсоветского периода российской истории, люди, которые во многом определили его идеологию».*

i На левом фланге российской политики такого барьера, кстати, не было: несмотря на предвыборную войну между ЕР и «Справедливой Россией», последняя всегда воспринималась как «партия власти №2», сформированная из тех представителей элит, которые по каким-то причинам не смогли получить посты в «Единой России», и принципиальной разницы между идеологией эсэров и идеологией левого интеллектуального центра единороссов (ЦСКП) не существует.

С Белковским, впрочем, не согласен член федерального политсовета СПС Борис Надеждин, являющийся одним из сторонников проекта «Правое дело». По его мнению, говорить о сходстве идеологий СПС и «Единой России» неправомерно. Они *«абсолютно различаются... я бы “Единую Россию” не классифицировал как партию с определенной идеологией, потому что ЕР – это приводной ремень администрации президента в парламенте и регионах. Сама по себе эта партия не производит ни кадров, ни идей, ни*

законопроектов... Вы найдете в “Единой России” ровно столько правого, сколько левого, сколько имперско-патриотичного и так далее, все что угодно вы там найдете».

Истина, по всей видимости, лежит где-то посередине. Говорить об отсутствии идеологической повестки «Единой России» было правильно на заре ее существования – тогда это действительно была структура с аморфной идеологией, которая, по выражению Белковского, *«должна была символизировать победу российского оружия в Чечне и быть политическим референтом Владимира Путина как вождя этой победы».*

Однако с течением времени сложилась особая праволиберальная платформа «Единой России», в основных своих деталях совпадающая с идеологией правящей элиты в целом (или же идеология элиты была перенесена на правое крыло ЕР и там без всякого сопротивления принята). Фактически речь идет о том, что сложившийся в начале века консенсус политических элит получил в лице правого крыла «Единой России» проводника и защитника своих интересов. Вопрос о необходимости существования иных правых партий, претендующих на собственный взгляд на развитие страны, в этих условиях становился дискуссионным.

И тем не менее Кремль предпринял определенные шаги по сохранению жизни на правом фланге российской политики – что характерно, в ситуации, когда политические практики СПС и близких к нему движений демонстрировали все большее нежелание избирателя поддерживать правых.

Предполагают, что Кремлем двигало стремление улучшить международный имидж России (существование легальной оппозиции). *«Обсуждать темы идейного бэкграунда “Правого дела”, их социальной базы, электората – абсолютно бессмысленно. По приказанию Анны Иоанновны шут учредил либеральную партию. “Правое дело” нужно власти для того, чтобы показать: у нас все есть, в том числе и либералы»*, – считает журналист Юлия Латынина. Представляется, что это достаточно наивная точка зрения, поскольку оппозиция, на которую Запад действительно обращает внимание, – это Гарри Каспаров и другие «несогласные», то есть не «Правое дело», а «Солидарность». Создание одной (двух, трех) подконтрольных Кремлю «оппозиционных» партий этой ситуации не изменит. «Правое дело» явно создается для внутреннего употребления, а не для международного пиара.

Более вероятной кажется та точка зрения, согласно которой правые партии (и СПС как наиболее яркий выразитель этого тренда) консолидируют вокруг себя некую идеологическую идентичность, принципиально неразстворимую в иной политической среде.

В настоящий момент «непарламентские правые» довольно четко делятся на три лагеря:

- группу, поддерживающую действия правительства по усилению государственного участия в экономике (либерал-лоялисты Чубайс, Гозман, Титов, Бовт);
- группу, считающую, что раз уж *«либеральная идея взята властью в заложники... то договариваться*

приходится с теми, кто удерживает заложников, а не с теми, кто нам симпатичен» (Мариэтта Чудакова, Григорий Томчин);

- группу, категорически отказывающуюся от какого-либо диалога с властью (непримиримая оппозиция: движение «Солидарность»).

При всех внутренних (и порой непреодолимых) различиях эти группы объединяет принципиальная невозможность ассимиляции в среде властной сверхпартии, поскольку для любой из них это будет означать полную потерю идентичности. А потеря идентичности (не столько даже идеологической, сколько мировоззренческой) для российских правых является куда большей катастрофой, чем поражение на выборах¹.

«Меня не удивляет стремление групп, которые так или иначе раньше работали в рамках СПС, которые пытались в качестве “Гражданской силы” заявить себя на прошлых выборах, а также демократической партии проевропейской ориентации (ДПР) объединиться в “Правое дело”. Тем самым они обозначили свой центристский либерализм, отделенный от “правого” крыла ЕР и от левого либерализма типа “Яблока”, – считает политолог Леонид Поляков. – Их электорат – это люди с высшим образованием, урбанистический электорат, люди среднего и старшего возраста, то есть с достаточно серьезным опы-

¹ Не случайно электорат СПС окончательно отвернулся от партии после неудачных заигрываний СПС с левыми предвыборными сюжетами в 2007 году.

том противостояния коммунизму. А именно либералы были двигателями той идеологической революции, которая началась в эпоху перестройки и завершилась фактически распадом СССР. Для них помимо чисто прагматических мотивов стремление четко обозначить свою идеологическую нишу значит достаточно много».

По всей видимости, Кремль решил «спасти» остатки терпящего крушение СПС именно потому, что стало очевидно: «ускользающую идентичность» российских правых не получится растворить в котле сверхпартии даже при всех видимых выгодах от такой ассимиляции. Борьба с СПС, занимавшим в 2003–2007 годах критическую по отношению к власти позицию, привела к тому, что наиболее непримиримые правые ушли в уличную политику, в экстремизм и «марши несогласных», лишь прибавив Кремлю головной боли. Однако, даже избавившись от «несогласных», оставшиеся правые все равно не влились в политический мейнстрим. Сейчас в рамках «Правого дела» им предоставляется такая попытка. Однако к чему эта попытка приведет, предсказать пока невозможно.

Повестка дня для правых на сегодняшний момент одна – это защита либеральной идеологии, которая – драматический парадокс – подвергается ревизии даже со стороны некоторых лидеров «Правого дела». Тем не менее задача поставлена и должна быть решена тем или иным способом. В проекте программы «Правого дела» определена цель партии – построение *«капитализма для всех»*. Там же говорится о том, что ПД – *«партия предпринимателей и менеджеров,*

представляющих интересы не двух десятков крупных сырьевых корпораций, а сотен тысяч малых, средних и крупных предприятий, работающих в реальном секторе российской экономики». Таким образом, новая партия четко определяет себя как партию «российского бизнеса», отделяя «реальный сектор» от сырьевых госкорпораций.

В перспективе ставка на «реальный сектор» может оказаться более выигрышной стратегией – тут все зависит от того, как будет развиваться экономика России в условиях жестокого экономического кризиса. Но в настоящий момент российский бизнес четко ориентирован на «Единую Россию», связка с которой формировалась на протяжении многих лет и не может быть разорвана безболезненно для обоих участников процесса. Попытки же ориентироваться на РСПП и ИНСОР, где, по мнению Леонида Полякова, *«начинает формироваться... идеология, нацеленная на то, чтобы артикулировать интересы бизнеса как интересы либерально-реформистской прогрессистской части нашего общества»*, правильны тактически, но в долгосрочной перспективе могут оказаться губительными для правых. Ведь сближение правых со структурами, считающимися идеологическими опорами президента Дмитрия Медведева, рано или поздно не оставит им выхода: правым придется либо претендовать на статус «президентской партии» (на что, надо полагать, Кремль никогда не согласится), либо отказаться от своей «ускользающей идентичности», что, как показывает вся их история, равно для них политическому самоубийству.

Основным ресурсом правых всегда было то, что в американской политологии обозначается термином soft power. Согласно определению Джозефа Ная, *«Soft Power – “мягкая сила” – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек»*. В нашем случае это скорее воздействие на общество и власть путем создания определенных интеллектуальных моделей и индоктринация власти через экспертные и политические структуры. Иными словами, само существование либеральной среды является залогом soft power правых. Именно поэтому «реванш» 1999 года был последним успехом либералов – повторить его уже никогда не удастся, поскольку необратимо изменилась среда, формировавшая либеральный проект. Если либерализму и суждено вновь занять достойное место в российской политической и общественной жизни, то это в любом случае будет другой либерализм.

Портрет: Леонид Гозман

В отличие от Кириенко или Чубайса, «второй человек в СПС» пришел в политику не из комсомола или экономического НИИ, а с кафедры психологии. Окончив в 1976 году факультет психологии МГУ, Гозман остался преподавать на кафедре социальной психологии как специалист по проблемам межличностных отношений и политической психологии. Надо отметить, что для позднего брежневского периода проблематика была более чем новаторская. Достигнув определенных успехов в этом деле, Гозман стал заведующим лабораторией политической психологии МГУ.

По словам самого Гозмана, он активно практиковал как психотерапевт, но в начале 90-х годов понял, что это не его призвание. Базовая идея психотерапии – «мир изменить нельзя, можно изменить лишь отношение к миру», а Гозману хотелось активно влиять на то, что происходило вокруг. Профессор МГУ становится членом клуба «Московская трибуна» и Комитета российской интеллигенции «Карабах», одним из руководителей которого был отец Егора Гайдара – Тимур.

В 1992 году Гозман становится советником Егора Гайдара, исполняющего обязанности первого заместителя премьер-министра России. Однако на государственной службе он задержался недолго – в декабре 1992 года Егор Гайдар был отправлен в отставку, а Гозман уехал в США – читать лекции по политической психологии и психологической истории СССР. В Штатах Гозман некоторое время занимал профессорскую должность в Диккенсон-колледже Карлайла

(штат Пенсильвания), затем был научным сотрудником Международного центра Вудро Вильсона в Вашингтоне. Вернувшись в 1993 году в Россию, принял участие в демократическом движении – стал секретарем федерального политсовета партии «Демократический выбор России», баллотировался в депутаты Госдумы РФ от блока «Демократический выбор России – Объединенные демократы» (ДВР – ОД), но выборы проиграл.

В 1993 году Гозман познакомился с Анатолием Чубайсом и довольно быстро установил с ним доверительные отношения. В августе 1996 года Чубайс, бывший тогда руководителем администрации президента, сделал Гозмана своим советником. В 1999 году Гозман стал советником Чубайса уже как главы РАО «ЕЭС России».

С этого времени и по настоящий момент Леонид Гозман считается одним из наиболее близких к Чубайсу людей и, в частности, «правой рукой» теневого лидера СПС.

Известно высказывание самого Гозмана о Чубайсе: *«С ним нормально общаются те люди, кто признает его лидерство. Те, кто хочет быть на равных с ним, но не может, начинают его ненавидеть»*. Профессиональный психолог Гозман с самого начала признал лидерство Чубайса и никогда не претендовал на первые места. Не случайно в СПС он занимал посты «второго ряда» – креативного директора, секретаря политсовета СПС по идеологической работе, главы регионального отделения партии в Санкт-Петербурге, заместителя председателя политсовета. В сентябре 2008 года, после того как лидер СПС Никита Белых сложил с себя полномочия и вышел из партии в знак несогласия с ее пе-

реформатированием, Гозман временно возглавил политсовет СПС, однако уже 2 октября было принято решение о самороспуске партии.

В ранний период существования СПС Гозман играл роль «связного» между госкорпорацией и партийной организацией. Будучи членом правления РАО «ЕЭС России» и исполняя функции полномочного представителя РАО ЕЭС по работе с органами власти и общественными организациями, он одновременно был избран заместителем начальника избирательного штаба ОПОО СПС. В 1999 году «Коммерсантъ-Власть» опубликовал статью с характерным названием «Зам по мозгам», где говорилось о том, что именно Гозман «тащит на себе федеральную кампанию СПС, работает с одномандатниками». В июне 2001 года Гозман был избран председателем креативного совета СПС.

В СПС Гозман всегда поддерживал «линию Чубайса» – так, в 2000 году он выступил в поддержку кандидатуры Владимира Путина на выборах президента РФ, заявив, что в сложившейся ситуации «поддержка любого другого кандидата была бы хуже, чем поддержка Путина». Позже он был одной из основных фигур, организовавших внутрипартийное сопротивление линии Немцова и Хакамады, которые пытались выстроить из СПС оппозиционную власти партию.

В 2004 году Гозман вошел в состав федерального политсовета, который после отставки сопредседателей партии стал главным руководящим органом СПС. В 2005 году после долгой борьбы он стал вторым человеком в партии – заместителем председателя политсовета, на пост которого был избран Никита Белых. Противники Гозмана утверждали, что Белых будет выполнять в партии чисто декоративные функции, а на са-

мом деле все руководство СПС окажется в руках Гозмана, через которого, в свою очередь, партией будет управлять Чубайс.

Как идеолог правых Гозман позволял себе «поправлять» Чубайса там, где взгляды теневого лидера СПС казались ему слишком «имперскими» и недостаточно «либеральными». Так, пропагандируя идею Чубайса о «либеральной империи», Гозман подверг ее существенной коррекции: в его понимании «либеральная империя» должна была быть частью некоей глобальной структуры («образующейся единой мировой империи»), что в целом не противоречит либеральным представлениям о месте России в мире, тогда как Чубайс говорил все-таки о региональной сверхдержаве, реализующей свои интересы исключительно мирными (экономическими) средствами.

В 2006 году Гозман выступил одним из авторов текста новой программы СПС «Горизонт 2007–2017. Вернуть России будущее» (авторство названия также принадлежит ему). После этого Гозман окончательно утвердил свой статус главного идеолога партии. Документ, по оценкам аналитиков, был драматически оторван от реальности: согласно тексту новой программы, в 2015 году СПС должен стать «правлящей партией», а в 2016 году кандидат от СПС должен занять президентское кресло.

Гозман дважды – в 2003 и 2007 годах – баллотировался в депутаты Госдумы РФ от СПС, но оба раза партия эти выборы проигрывала. После последнего поражения, 17 декабря 2007 года, все руководство СПС во главе с Никитой Белых подало в отставку. Однако в тот же день большая часть подавших в отставку руководителей партии были вновь избраны в феде-

ральный политсовет СПС. В результате Белых снова занял пост председателя партии, а Гозман снова стал его заместителем.

26 сентября 2008 года Белых заявил, что уходит в отставку с поста председателя СПС, не желая участвовать в новом «кремлевском проекте» – объединении СПС, «Гражданской силы» и ДПР в «прокремлевскую» правую партию. Председателем политсовета СПС временно стал Гозман, который, хоть и назвал участие СПС в кремлевском проекте «омерзительным вариантом», признал, что вынужден согласиться на это «ради сохранения СПС».

В октябре 2008 года Гозман был назначен на пост советника Чубайса, ставшего председателем правления корпорации «РоснаноТех». Вместе с Чубайсом и Гайдаром призвал членов СПС сотрудничать с властью для создания правой либеральной партии. Наставляя на необходимости такого шага, авторы заявления признавали, что «в России не функционирует демократический режим». Они выражали сомнение в том, что правым в дальнейшем «удастся защитить наши ценности в полном объеме». «Но нас уж точно не заставят защищать чужие», – утверждали лидеры СПС.

Оглавление

Пролог	5
Глава 1	
Рожденные кризисом	7
Отцы и дети дефолта	9
Момент истины:	
СПС на парламентских выборах 1999 года	21
Путин как секретное оружие СПС	31
Время молодых	36
Портрет: Сергей Кириенко	41
Глава 2	
Прогрессоры	45
1999–2000 годы	
Правые и власть: несостоявшиеся союзники	47
2000–2001 годы	
От блока – к партии	53
2001–2003 годы	
Правые во власти	65
Портрет: Анатолий Чубайс	75

Глава 3	
Падение	83
2002–2003 годы	
Закат правого дела	85
2004–2005 годы	
На обочине	102
2006–2008 годы	
Жизнь после смерти	109
«Правое дело» и «Солидарность»: игры либералов	118
Уроки побед и поражений	126
Портрет: Леонид Гозман	139

Андрей Ашкеров

ЭКСПЕРТОКРАТИЯ
Управление знаниями: производство
и обращение информации в эпоху
ультракапитализма

152x228 мм. – 132 с. – (Политучеба)
ISBN 978-5-9739-0170-7

Тезис об управляемости знаний снабжает экспертократию привилегированным доступом к реальности, когда любые социальные изменения воспринимаются как следствия менеджериальной революции. Новая книга одного из немногих отечественных публичных мыслителей Андрея Ашкерова посвящена исследованию издержек диктатуры менеджмента экспертократии. Автор рассматривает подлинные последствия превращения истины в капитал, познания и обучения – в рыночное производство, а научно-педагогической деятельности – в сервис. Для широкого круга читателей, интересующихся борьбой за концептуальную власть.

Виталий Иванов

«ЕДИНАЯ РОССИЯ»
Краткая история партии

115x180 мм. – 192 с. – (Партийность)
ISBN 978-5-9739-0181-3

Книга посвящена истории «Единой России», партии власти, созданной в 2001 году путем объединения «Едиства», «Отечества» и «Всей России». Автор последовательно разбирает подробности партийного строительства, федеральных и региональных избирательных кампаний, внутривластных и околовластных дискуссий. Повествование охватывает события десятилетнего периода – от создания «Отечества» в 1998 году до избрания Владимира Путина председателем «Единой России» в 2008 году. Автор приводит и разбирает эксклюзивные факты и подробности, прежде неизвестные широкой публике и даже специалистам.

**Книги издательства «Европа»
в розницу по низким ценам можно
приобрести в нашем магазине по адресу:
г. Москва, Малый Гнездниковский пер.,
д. 9, стр. 3а (ст. м. «Пушкинская»)
Телефон: (495) 629-05-54**

Серия «Партийность»

Кирилл Бенедиктов

**«СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ»
Краткая история партии**

Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*
Технический редактор *А. Монахов*
Корректор *О. Кандидатова*

Подписано в печать 30.03.2009. Формат 70×100 1/32
Гарнитура Peterburg. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,0. Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru
www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в «Типографии Момент»